

№ 2
ЯНВАРЬ
1970

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ТРАВДАН»

ОМЕГА

**ЛЫЖИ -
СПОРТ
ДЛЯ
ВСЕХ!**

ГВАРДЕЕЦ АРМИИ

Вячеслав Алексеевич КАРПИНСКИЙ

Владимир ПОНОМАРЕВ

«Секретно. Циркулярно. Господам Гу-
бернаторам, Главоначальникам, Обер-
Полицейстерам...»

Особое совещание при министре внутренних дел Российской империи решило 23 октября 1902 года судьбу студента Харьковского университета Вячеслава Карпинского.

Означенный студент, арестованный по делу о Харьковском Комитете Российской социал-демократической рабочей партии и «Харьковском Союзе борьбы за освобождение рабочего класса», вот уже полгода находился в одиночной камере богодушечной тюрьмы. По ходу дознания в дальнейшем его содержанием под стражей надобности не имелось. Однако и оставление его на свободе в местностях с фабричным касанием представлялось, в интересах государственного порядка и общественного спокойствия, нежелательным. Посему начальни губернского жандармского управления ходатайствовал перед особым совещанием о высылке студента, еще до вынесения приговора, в места достаточно отдаленные.

2 ноября арестованного вызвали в канцелярию тюрьмы, и прокурор судебной палаты считал с гербовой бумагой:

— От департамента полиции объявляется бывшему студенту Харьков-ского университета Вячеславу Алексееву Карпинскому, что по рассмотре-нию в особом совещании господни министр внутренних дел постановил: выслать Карпинского на жительство под надзор полиции в северо-восточ-ные уезды Волгодской губернии впредь до окончательного разреше-ния производящегося о нем дозна-ния.

Прошел год. Пузунские папки дела о Харьковском Комитете РСДРП и «Харьковском союзе борьбы за ос-вобождение рабочего класса» пере-мещались от столоньяльника к сто-лоньяльнику, из кабинета в каби-

НАША ОБЛОЖКА:
«НА ГОРНОЙ ТРАССЕ»
Фото Евгения Волкова

4

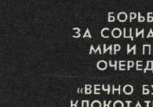
«ЛОДКИ
УХОДЯТ В ОКЕАН» —
Минков-Контр-Джидрал
М. А. РУДИЧКИН
отвечает на вопросы
корреспондента
«СМЕНИ».

22

ПОЭТИЧЕСКИЕ
ГОЛОСА
КИРГИЗИИ.

26

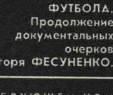
БЕЗЖАЛОСТНАЯ
БУХГАЛТЕРИЯ
БРАЗИЛЬСКОГО
ФУТБОЛА.
Продолжение
документальных
очерков
Игоря ФЕСУНЕНКО.

«БУДНИ
ПРАЗДНИКА».
Творческий
портрет актрисы
Зинаиды СЛАВИНОЙ.

«ИМЕНИ ЛЕНИНА».
Рассказ
о главной улице
заполняемого
Норильска.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:
БОРЬБЕ МОЛОДЕЖИ ЗЕМЛИ
ЗА СОЦИАЛЬНУЮ СПРАВЕДЛИВОСТЬ,
ММР И ПРОГРЕСС ПОСВЯЩАЕТСЯ.
ОЧЕРЕДНОЙ НОМЕР «СМЕНИ»
«ВЕЧНО БУДЕТ ЛЕНИНСКОЕ СЕРДЦЕ
КЛОКОТАТЬ У РЕВОЛЮЦИИ В ГРУДИ!»

ПРАВДА И ЛОЖЬ. ЗАЛПЫ НАД СЪЕЗДОМ.
ПРИЗНАНИЯ АМЕРИКАНСКОГО СОЛДАТА.
В ЗАСТЕНКАХ «ПАПЫ ДОКА».
ДОРОГАМИ ДРУЖБЫ

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДАККОЛЛЕГИЯ: Г. М. Гусев, Е. А. Долматовский, К. Н. Замышнин, Р. Ф. Казанова, А. П. Кулешов, А. С. Лавров, А. А. Лиханов [ответственный секретарь], В. В. Луцкий [заместитель главного редактора], И. И. Рябчиков, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. В. Стуков [главный художник]

Художник Г. Терзибашьянц Технический редактор Н. Буднина

нет — все выше и выше по ступеням бесконечной бюрократической чиновничьей лестницы.

А именно тем 22 декабря 1903 года Пензенский губернатор секретно доносит в департамент полиции:

«Состоящий под гласным надзором полиции в г. Вологде бывший студент Харьковского университета Вячеслав Алексеев Карпинский, прибывший в Пензу на один месяц, настоятельно время начал вращаться здесь в среде поднадзорных и других лиц, замеченных в политической неблагонадежности, причем в одно из своих свиданий в пензенской тюрьме с родным своим братом Анатолием Карпинским, назначенным в качестве обвиняемого по политическому делу при местном канцелярском управлении, намереваясь передать брату тайно две записки конфиденциального характера, типичные неизвестными лицами, намереваясь передать брату тайно две записки по содержанию своему в то же время являлись преступными и указывают на тайные сношения и переписку шифром с содержанием в тюрьме Анатолием Карпинским и Арнольдом Гартф. Вану сего, признавая дальнейшее побуждение Карпинского в г. Пензе незначительным, а также расхождением о высказанном его в Пензе в место постоянного его жительства, в г. Вологде. Об этом имею честь уведомить департамент полиции.»

5 апреля 1904 года уже и Вологодский губернатор отправил секретное послание в департамент:

«Состоящему под гласным надзором полиции в гор. Вологде Карпинскому министерством внутренних дел была разрешена временная отлучка в гор. Пензу, куда он, Карпинский, и выехал из Вологды 7 ноября 1903 года. Находясь в гор. Пензе, Карпинский по распоряжению местного губернатора, являясь поучительным посланием сведений и неблагонадёжных его поступках, 26 декабря 1903 года выслан в Вологду по выданному ему того же числа пензенским полицмейстером проходное свидетельство с собою не взяв и в Вологде до сего времени не возвращаясь. Об изложении имею честь уведомить.»

Пока одно делопроизводство департамента оформляло и поднимало донесение из Вологды, из другого делопроизводства встречным путем, фальдаторской связью, поспешала губернатору секретная дельца:

«На основании Высочайшего повеления, послышающего докладу министра юстиции, бывший студент Вячеслав Алексеев Карпинский за принадлежность к преступным сообществам «Харьковский комитет Российской-демократической рабочей партии» и «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», а также за участие в распространении преступных сочинений поднимать высладе под надзором полиции в г. Вологодскую губернию сроком на три года.»

Одному бывшему студенту так и не обманулся в столице сырьного края.

«54 делопроизводство Департаменту полиции уведомляет особый отдел для записки в департамент полиции что составленный под гласным надзором по-

лицы в гор. Вологде бывший студент Вячеслав Алексеев Карпинский и неизвестно куда скрылся в г. Пензе.»

«...97. КАРПИНСКИЙ Вячеслав Алексеевич, студент Харьковского университета, родился 3 января 1886 г. в г. Пензе, вероисповедание православное, холост, отец Алексей Кузьмин, частный поваренник, мать Александра Ивановна, брат Анатолий, инструктор, и сестра Валерия, ученица женской гимназии, проживают в г. Пензе...»

Примечания: роста 2 арш. 6¹/₂, в. телосложения посредственного, немного сутуловат, глаза светло-голубые, небольшие, близорук, носит очки, лоб высокий, лобный, ровный, слезная расщелина и свободному кончику, длиной 3¹/₂ сант., лицо продолговатое, черты вскушчатые, кожа на лице светлая, рот небольшой, правильное строение, с тонкими губами, зубы ровные, в полости рта неостаток 2 молочных зуба, подбородок приподнятый, волосы на голове светло-русые, борода маленькая, жесткая, клиновидная, рыжеватая, имеет родимое пятно на спине, ноги большие, немного торчат в сторону...»

Обыскать, арестовать. Провести для расширения вологодского губернаторства для приведения в исполнение Высочайшего повеления 12 мая 1904 г. Фотографическая карточка имеется.

Теперь уж не жалеть ни равнина, ни среды для розыска лица под № 97, ибо успех не только будет способствовать учредению скалы, на коей восседает кистый самодержавный двуглавый орел, но и увеличится поощрением и продвижением в чиниз. А за успех может обратиться сверху свирепый орлиный гнев. Именем действительных сотрудников в Российской империи система политического сыска и охранения. Восползшая система: от так называемых «серых» сотрудников — провокаторов, внедренных охранкой чуть ли не во все местные организации всех существовавших в России нелегальных и легальных партий, от агентов наблюдения — филеров, через черные кабинеты по перлюстрации — до самого начальника 00 — особого отдела департамента полиции младшего полковника Савонова — вкредного человека с умными и хитрыми глазами, вытученки виртуозного специалиста по политической розыску Зубатова.

Провокаторы аслушались, остроумно выспрашивали, мдели, воткров просколзнет фамилия...»

Филеры на улицах городов и у стационарных хасс швействел за бортом пальто странники «неформальных альбомов с с. фотографиями: не он ли...»

Послеплато-зоркие чиновники черной кабинеты, торщевные на вскрытии конвертов, работор повар и междусторочных тайнописей.

вчитывались: не упоминать ли «97-й» в доверительном письме...

А служители многочисленных департаментов департамента полиции доставали новые папки и вшивали входы на синих, обранных, обшитых шелковыми чернилами конверт-обложки: «О студенте Харьковского университета дворянине Вячеславе Алексееве Карпинском» и в верхнем правом углу — «Хранить 15 лет (то бишь — до 1919 года)».

Тем временем «№ 97», бежав из Пензы, некоторое время обретался под боком у самого здания департамента внутренних дел в Петербурге, получил надежные адреса и из Петербурга — в Ростов-на-Дону, из Ростова — в Киев, от одной явочной квартиры к другой, останавливаясь в гостиницах, а где и на месяц, проводя выполнять партийные поручения и вести революционную работу, все ближе приближаясь к границе Российской империи.

ПАНСИОН ГОСПОЖИ МОРАР

Последняя явка — в приграничном городке Калши, уже на территории Польского генерал-губернаторства. Два дня Вячеслав удерживался в сарае. На третий день «красно-советский» Стефан повел через границу, загора вытребовав всю условленную сумму, пятнадцать рублей, и протосредично объяснил, что ему самому дохода — всего пять, остальные он должен отдать солдату, охраняющему эту границу. Да и солдат оставит себе не больше чем на штоф водки, все пойдет жандармскому офицеру на пограничном пункте. Впрочем, система перехода через границу была уже выверена, такса установлена, торговаться не приходится.

Пробирались по лесу в темноте. Со всех сторон обступала черная, устрашающая стена, Вячеславу казалось, что хруст ветки под ногой разнесется эхом по всей стране... Лес пошел. Замерцала излучина реки. Через реку перекинут мост. На мосту — фигура солдата с винтовкой. «Красавец зашелся к мосту. Поставив на несколько шагов, обернувшись пошел за ним студент. Солдат распознал контрабандиста, колыхнул за спиной винтовкой и молча пропустил.

Несколько шагов — и Вячеслав уже на чужой земле. Контрабандист Стефан повел дальше, пока не показался вперед деревенька, испрычавшая, с каменными ажурными домами по острым черпачным крышам, с готической кирхой на холме. Контрабандист покосился в одно окно из дома. Скрикнул восторженно.

— Панске здраве! — подтолкнул Вячеслава к дверям Стефан, а сам — будучи в воздухе расстался.

В этом доме Карпинский провел последние ночи. Утром встал, умылся, и он отвел его на станцию. Дальше беглецу предстояло действовать на свой страх и риск. Немного немецкий дергач: он выманил веза, объяснил. Но беда, что он не знает немецкого. Билет нужен до Женевы — центра русской социал-демократической эмиграции. Как спросить: до «Сельб» или до «Сельв»? Решив написать на бумаге. Вывел «Сельб» и протянул каскару.

В пути несколько раз проходил по вагону кондуктор и, проверяя билет, толкнул каждый раз что-то объяснив, наконец подержнул слово на билете и решительно повторил: «Umsetzen! Umsetzen!» Вячеслав спросил: «Was ist Seldb?» — и исчерпал веза. Решив написать. Тогда кондуктор пересел с одной скамейки на другую и снова про-

кизис: «Umsetzen!», показал на поплышие мимо окна станционные постройки. Карпинский некое-то догадался: надо переселиться на другой поезд. (Позже он узнал, что кто-то из товарищей, таких же немцев, попал под из-за этого «Сельб» вместо Женевы в Генуя.)

Через Германию он проехал благополучно. Без всяких неприятностей пересек и швейцарскую границу: никто не заинтересовался даже, кто он, откуда и куда дернул путь.

Поезд прибыл в Женеву ранним утром. Еще не было ни яркого света, ни тьмы — все в легкой влажной дымке.

Подхватив саквояж, Вячеслав вышел из вокзала. За небольшим узким широким сквером со стриженными шарами и конусами деревьями лежала площадь. Вдоль тротуара вереницей стояли, поднимая пассажиров равнялись экспресса, эмкижи. Холеные поезда в рядырядной срубке лениво косили глазами. С краю площади в деревянных стойлах помоллись велосипеды. В буфетном павильоне были врезаны рельсы конки. Напротив вокзала поднимались высокие дома с резными балконами. По карнизу черных черепичных крыш — большие белые бугавай: «Отель Бернина», «Отель

Рини». За опущенными на ночь узорными коваными решетками мерцали золотые монеты, шитки золота, бриллианты и жемчуга, часы. Витрина Швейцарии.

Вячеслав остановился. Несколько минут, будучи глазом на драгоценности, рассыпанные по черному бархату, наблюдал за отражающейся в зеркальном стекле уличке: нет ли шпионок! Ни одного пешехода, лишь как конки, цокают по булыжнику эмкижи.

Он вышел и Рене, когда солнечные лучи уже ушли на один верхний этаж на противоположном берегу реки. У камня набережной стояли парочки и парусники. По гладкой и быстрой воде плыли лебедки. Влево река развилась широкую, открывался спокойный простор.

За мостом он свернул направо, пошел на набережную. Вскоре Рене спустился. В сотне метров от первого моста над ней повис узкий пешеходный мост. Вдоль набережной ровными стройными платаны. Коричневые стволы слились с цвет на каменных плитах. Сейчас налево должен начаться бульвар Дюрод Фавон. Так и есть! Вячеслав свернул на бульвар и через несколько минут вышел на просторную площадь. План де Пеннале. По краю площади, обра-

Обложка «Дела департамента полиции» на В. А. Карпинского.

В. А. Карпинский в годы студенчества в Харькове.

Сельв», «Пансион Корнаник»... Нет, у него другой адрес.

Площадь была поката. Визу уходила прямая улица. В просвете ее, в изгибе сивки осеннего утра проступали купы деревьев, и на дальнем плане, как на театральной декорации, синей стеной вздымалась гора. Вячеслав догадался, что улица спускается к реке. Он восстановил в памяти маршрут, начерченный товарищами еще на явочной квартире в Петербурге. Туда, к Рене, ему и надо.

Вдоль улицы, такело опершись на нее черномраморными цоколями, стояли монументальные здания. Неброские, золотом по черному, выписаны: «Банк Швейц», «Сосьете де Банк Швейц», «Банк Ллойд», «Кредит Швейц»... Первые этажи — сплошь вит-

— Могу я видеть гостю Рене Морар? — по-французски спросил Вячеслав.

— Это я, мсье. Прошу вас! — Писколет гостю Морар уже несколько лет был приметом русских политических эмигрантов. Он пользовался популярностью среди революционеров из-за умеренности оппортунизма и его из-за радушия и гостеприимства его хозяин, невест по какой причине благоволил к изгнанникам, не требовавшей у них никаких документов и неслезливо давшему с каждым своим благожелательным отзывом женевской полиции.

Вячеслав вслед за гостю Морар поднялся на третий этаж. Там представил документы и незаметно выходя на площадь. Отсюда, сверху, он увидел за деревьями бесконечные торговые ряды, шатер цирка, легкие и пестрые украшения аттракциона. Гостю Морар. План де Пеннале была знаменитой ярмарочной площадью Женевы. Сейчас она уже опожала. День начинался.

— Не стоим ли в арестном. Скорей на улицу Карук, в штаб социал-демократов.

— Он спустился вниз.

— Мсье, вас ждет завтра.

Вячеслав истинственно сунул руку в карман.

— Благодарю, я так рано не ем. — Не беспокойтесь, эмкиж, — услышал он от спящей женской давешней Батрак входит в стоимость пансиона. — Он оглашусь. Невысокая худенькая девушка разглядывала его и хитрово улыбалась. Он успел отменить, что девушка аморальна, с большими серыми глазами и точеным носиком. Он облебенно рассмеялся:

- А я, право...
- Не оправдывайтесь. Все попадает на эту уличку. Так что не отказывайтесь от чашки кофе и подержанной булки. Составте компанию, если не против.
- Вы откудаты уже за столиком понтересовались Вячеслав.
- Из Архангельской губернии.
- А выговор южнороссийский.
- Из архангельской ссылки, — уточнил Вячеслав.
- А-а-а. Тогда мы действительно почти земляки, я из вологодской, будучи знакомым. — Он сделал мимолетную паузу и назвал свою партийную кличку: — Виктор Минин.

Она протянула узкую руку: — Ольга.

Отплатив горячий кофе и неготовую понюшку (она проглотила бы такис дестом, изнегодившись за дорогу), Вячеслав поглядывал на девушку. Да, весьма мила. Черные вымощенные волосы оттеняют голубые и подчеркивают мягкую линию. Под широкими черными бровями — серые, с зеленой, глаза.

Резко очерчен красивый рот. Улыбается протосудно, но глаза — вымателные и унылые, — из Архангельской губернии...

— Вы чья сторонница? — осторожно спрашивает она. — Большинство аморальности, Ленина или Плеханова?

— Ленина, — твердо отвечает Ольга.

— А таме, — с облебенением говорит он.

— К шамоту, — соглашается Ленин и его жена в прошлом году жили в этом же пансионе.

— А где они сейчас?

— До последнего времени жили на улице Фуйе, это в Шевроне, рабочем предместье Женевы. Теперь, я слышала, переехали на улицу Карук, там и подерживают мятой. Но сейчас Ленина нет в Женеве. Вместе с женой он путешествует по стране. Ждем его со дня на день.

— Скорей бы он возвращался. Мне так нужно увидеть его! — не сдерживаясь, восклицает Минин.

Через несколько дней, в кафе, где обычно собирались большевики, Карпинский увидел Владимира Ильича. Об этом встрече он поэтично вспоминает так:

«Вхожу, ищу глазами Ленина по описаниям товарищей... Вот он! Сидит в уголке, перед ним высокая кружка пива с дрожью, под электрической лампочкой блеснет его огромный лоб; с усмешкой, из-за приставленных к глазам пальцев поглядывает он на собиравшихся, постукивая карандашом по столу. Вот образ, навсегда запавший мне в душу. Будь я художником, хоть сейчас бы мог, как живым, нарисовать его.»

Товарищи подходили к Владимиру Ильичу, загромождаясь, беседовали. Скоро начался его доклад — реферат, как тогда говорили. Темы не помню. Но впечатление от первой встречи было незабываемое...

ВСПЛЕД ЗА СВОИМ ГЕРОЕМ...

Вот уже несколько лет я собираю и пишу о нем образные материалы, связанные с яркой жизнью одного из старейших работников Коммунистической партии, Вячеслава Алексеевича Карпинского. Его жизнь — сама история партии, история революционного движения в России. Первую прокламацию он напечатал на гектографе в 1897 году, будучи еще гимназистом. В 1901-м он удостоен «высочайшей милости» Карпинского было выдано должное царю в связи с делом «Харьковского социал-демократического рабочего союза ремесленников». Подобной чести он удостоивался трижды. При этом раз от разу возрастало к нему внимание монархии и, соответственно, все суровее становилась его «высочайшая повеления». После побега из ссылки, той осенью 1904 года в Женеве, Карпинского безогорочно стали на сторону Ленина в жесткой идеологической борьбе между большевиками и меньшевиками — с той поры цель своей революционной работы он видел в помощи Ильичу, в сплочении партии. Скорее после приезда он начал сотрудничать в созданной Ильичем газете «Вперед», а затем — в газете «Пролетарий». На их страницах он опубликовал первые свои статьи, положившие начало его журналистской деятельности. Одновременно Карпинский стал библиотекером, а спустя некоторое время — заведующим архивом и библиотекой ЦК РСДРП.

В октябре 1905 года Владимир Ильич покинул Женеву. Он стремился в Россию — в гущу разгоравшейся первой русской революции. Надежда Константиновна Крупская писала: «Вместе с Ильичем разобрали мы его бумаги и письма, разложили по конвертам, Ильича написав собственноручно конверты. Все было упаковано и сдано на хранение, кажется, т. Карпинскому...»

— Величайшей ценностью в партийном архиве был этот чемодан, получивший название «Чемодан Фрэзы» по одному из псевдонимов Ильича той поры... рассказывал несколько лет назад Вячеслав Алексеевич 90 лет этого очерка... В большом мягком чемодане из толстой кожи хранились драгоценные рукописи Ленина. Получая их рух Ильича на сбережение этот чемодан, я подумал: «Мог ли я представить год назад, когда везли его через границу царской России, что мне будет оказано такое доверие, такая высокая честь!»

Вслед за Лениным уезжали в Россию другие большевики. Уезжала Оль-

га... Карпинский должен был надменно спрятать у товарищей «Чемодан Фрэзы», закончить последние дела: передать на хранение книги и документы в архива и библиотеки ЦК РСДРП — и тоже поспешить туда, в Гиттер, в центр революционной борьбы.

Не думал он, что по-прежнему сложится обстоятельства, что первое революционное выступление российского пролетариата будет подавлено и что еще долгие десятилетия лет предстоит ему провести в эмиграции, самых драматических и трудных лет.

Все эти последние годы были посвящены Карпинским Алексеевичем близностью к Ильичу. Возвратившись в Женеву, Ленин в первый же день, 7 января 1908 года, пришел в дом Карпинского. И в последующем, когда бы ни приезжал в этот город, неизменно останавливался у Вячеслава Алексеевича. В регистрационной книге библиотеки Женевского университета, где хранится запись фамилии Ульянова, указан его домашний адрес: rue Hugo-de-Senger, 7. В этом доме находились архив и библиотека ЦК РСДРП, и здесь жил заведующий им В. А. Карпинский. Основу минувшего года в связи со сбором материалов для книги о Карпинском я побывал в Швейцарии, прошел как бы по следам своего героя, увидел места, где он жил и работал.

Вот он, дом № 15 на авеню дю Мей наротив армарной площади Плен де Пленнале. Не изменились и близки те светлого дерева дзверь с белыми шпиром французской ручки. Только давно уже нет здесь пансионского гостеприимной госпожи Морар. Но на площади шумят торговые ряды и виднеется над купами деревьев шатер чужды.

В совсем недавно изданной у нас книге «Ленин в Женеве» я видел фотографию дома на Hugo-de-Senger и теперь поспешно на зветную улицу. От авеню дю Мей по бульварам это совсем недалеко. Вот и она. Круто спускается под гору. Направо — гараж. Налево — знакомая по снимку ограда... А где же дом? На месте выверну в самому тротуару, возвышается, малюко поблескивая дюралем и стеклом, многоэтажное здание какой-то коммерческой фирмы...

Да, безжалостно время. Очень хотелось увидеть этот дом — из моего Карпинского и уехал в 1917 году в Россию, поднявшись на Великую революцию. Сразу же по возвращении на родину Вячеслав Алексеевич по совету Ильича начал работать в «Траде», затем возглавил редакцию массовой крестьянской газеты «Беднота». Он был членом ВЦИК, избирался делегатом партийных съездов, работал в аппарате ЦК, в Институте экономики Академии наук СССР, в Академии педагогических наук РСФСР. Доктор экономических наук, Герой Социалистического Труда, он был замечательным партийным публицистом и пропагандистом. Написанные им книги занимают несколько полок. Они переведены на десятки языков, в том числе на языки всех социалистических стран.

...16 января 1970 года исполняется 90 лет со дня рождения Вячеслава Алексеевича Карпинский не дожидаясь даты. Но в день юбилея с полным правом можно повторить слова, которые были адресованы верному ленинцу Центральным Комитетом ВЛКСМ десять лет назад: «Своей жизнью и делом знает Карпинского как старейшего члена Коммунистической партии, ветерана революционной борьбы. Советская революция знает и любит его книги.»

Владимир ШЛЕНСКИЙ

ЭТО БЫЛО В НАЧАЛЕ ВЕКА

1

Спокойной синевой дышит небо.
Гора вдаль опалилась снегой.
Я никогда до этого здесь не был
и вот спешу на встречу с Ильичем.
И Шушь-река, я слышу, шепчет
что-то,
мне от воды не оторвать лица.
И чудится —
за первым поворотом
я непременно встречу Ульяна...

2

Пара лодочек плетется алее...
На телеге, рядом с ящиком,
смыслый Ленин.
Многие недели
за спиною смотаны клубком.
И в глазах его, немного грустных,
от бессонниц востальных чуть,
виден путь людей бесстрашных,
русских,
справедливый и тернистый путь.
Тот, который сквозь ветра и годы
через сердце каждого идет.
Ленин слонан к своему народу,
и его народ
не подведет!

3

Россия спит.
Россия спится слыны...
Цепные псы под утро громко лают.
А где-то там,
на краешке страны,
не гаснет керосиновая лампа,
и воспаленный глаз ее горит...
А над рекой кричит ночная птица.
И человек один еще не спит,
скрипяет веред над белою странней...
Уже рассвет прорезался вдаль,
и отойти ко сну прошля все сроки.
Но он не может спать,
когда пришли
на уч давно задуманные строк.
Куда-то вдаль глаза устремяны.
Исканя лист.
Пора поставить точку...

К 100-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ
РОЖДЕНИЯ

ЛЕНИН И МЫ

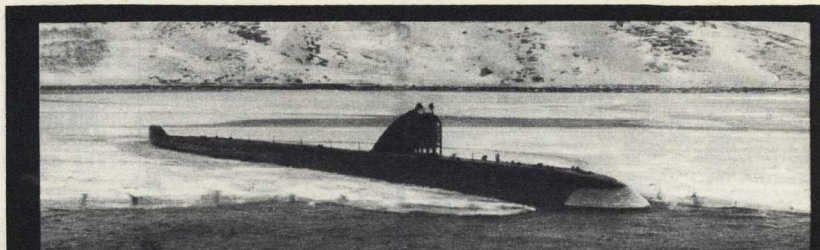
В ту ночь
на самом краешке страны,
быть может,
виден он всех нас воочью...
Он лампу задувал.
И выходил
встречать рассвет к реке,
где водку,
На этом берегу стою один
и слушаю —
пробуждается Россия...

4

Сумерки глущаются над Шушью.
Скоро, впереди еще разлука!
Чердак, как полнейщиков ушм,
ловят каждый шорох,
каждый звук.
С нетерпением ждуть Ильича известия.
Где-то там, за дымокой, — городок...
К смыльному Ульяну невеста
смыслная приехала сюда.
Разговоры.
Крепкой чаш.
Расспросы.
И на сердце ясно и легко.
В небо выплыл Ковш,
как знак вопроса,
вся Россия видела его.

5

Я это запомню навечно.
Домишки крестьянские в ряд.
Саян богатырские плечи.
Полей золоченый парад.
И светлую грусть волею дома,
в котором Ильич проживал...
Мне это знакомо,
знакомо,
как будто здесь раньше бывал.
С годами сильнее,
и не глуше
стремился мне в бышую глушь,
чтоб речка далекая Шушья
жила в глубине наших душ.
Ведь эта прозрачная речка
своєю гуды,
просторы,
леса
его отражение навечно
пронисит в раскрытых глазах.
г. Шушенское, август, 1969 г.

ПОДВИГ ПОДВОДНИКОВ

На вопросы специального корреспондента «Смены»

Евгения Мещева
инженер-контр-адмирал
Михаил Алексеевич РУДНИЦКИЙ

Каждое из государств стремилось, естественно, обеспечить свою безопасность. Американцы, например, считали, что основной силой их подводного флота должны быть лодки прибрежных морей и дальнего действия. Немцы, итальянцы и французы больше внимания уделяли в то время подводным кораблям для охраны побережья и прибрежных морей. Россия предпринималась того же направления...

Д своим семьдесят два года он сохранил физиономию выправку и внешне морской ладор. О деле всей своей жизни контр-адмирал готов говорить, не считаясь со временем.

Михаил Алексеевич вырос, и я думаю, что, создавая свои подводные корабли, он в первую очередь предполагал, что служить на них должны нести морями его рост. Контр-адмирал Рудницкий в свое время сконструировал и построил лучшие в мире крейсерские, дальнеходные подводные лодки с мощным артиллерийским, торпедным и минным вооружением. Его проекты были оригинальны, дерзны — под стать тем, кто плавал в мутную воду войны на подводных гитля «К».

— КАКОЕ МЕСТО В СОВРЕМЕННОЙ ВОЙНЕ ВЫ ОТОДТЕ ПОДВОДНЫМ ЛОДКАМ?

— Это одна из главных сил флота. В самом деле, современные подводные корабли с их практически неограниченной дальностью плавания, скрытностью, большой глубиной погружения и высокой скоростью подводного хода могут решать сложнейшие стратегические задачи: покрывать рязетами стратегические объекты на вражеской территории, бороться с себе подобными, причем навигация успешнее, чем любые другие противолодочные силы: авиация, надводные корабли. Атмосферные подводные лодки сейчас настолько сильны и маневренны, что во многих случаях борьба с ними до сих пор остается одной из важнейших военно-технических проблем.

— КАКОВЫ ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ, ПО КОТОРЫМ ШЛИ И ИДУТ СОЗДАТЕЛИ ПОДВОДНЫХ ЛОДОК?

— Подводные лодки, как известно, довольно молодое оружие: по-настоящему его начали применять лишь в 1905 году, точнее, во время русско-японской войны. Именно тогда субмарина русского флота «Форея», «Сом», «Шуша», «Дельфин», «Исастух», «Скат», «Вальдаршар граф Шереметьев», «Налия», «Остер», «Нефаль» и «Иста» были доставлены с Балтики на Дальний Восток.

Какие же задачи возлагались на тогдашних подводников и, следовательно, что создавали конструкторы подводных кораблей? Прежде всего лодки должны были охранять побережья. Так повелись малые прибрежные лодки. Затем им делалось distinction в прибрежных морях, то есть плавать уже сравнительно далеко от своих баз. И наконец, подводникам ставилась задача встречать и топить корабли противника в открытом море. В то время на дальних и северных подступах к побережью.

— Да, в России, хотя авторы проектов были немцы, американцы, французы — шеф русского военного флота великий князь Александр считал, что выгоднее делать лодки уже по русским иностранным чертежам, нежели проектировать свои. А ведь и этому временим был закончен проект первой русской боевой подводной лодки «Дельфин» (конструкторы И. Г. Бунов и М. Н. Белишевские).

— ЧЕМ ЖЕ «ДЕЛЬФИН» ОТЛИЧАЛСЯ ОТ ЗАРУБЕЖНЫХ ПРОЕКТОВ?

— По тому времени лучшей считалась американская подводная лодка «Фултон». Она погружалась на 30 метров и имела на борту два торпедных аппарата. «Дельфин» же мог орудовать на 50 метров, у нее было более мощное вооружение (4 торпедных аппарата), а скорость хода такая же, как и у иностранных образцов, — 6 узлов.

— МИХАИЛ АЛЕКСЕЕВИЧ, КАКИЕ ИЗ НЕУСПЕШСТВЕННЫХ РУССКИХ ПРОЕКТОВ ПОДВОДНЫХ КОРАБЛЕЙ ВЫ СЧИТАЕТЕ НАИБОЛЕЕ СМЕЛЫМИ, ОРИГИНАЛЬНЫМИ, ЕДИНСТВЕННЫМИ В СВОЕМ РОДЕ?

— Отставной поручик А. Лазарев в 1869 году представил в Главную штаб проект подводной лодки, о которой писал: «Длина ее онос семь сажен, ширина — около двух и машина — около полутора сажен. Экипаж с командиром семь человек. Неприятельские суда высматриваются посредством камер-обскура, из которых одна посредине и две на носу лодки. Лодка сама может быть под водой неограниченное время, имеет постоянно свежий воздух через особую подкачку и спландун трубу, которая при сблещении с неприятелем будет выдвигаться и лопнуть».

Смелый инженер И. Естревин в 1886 году предложил проект полугоризонтальной подводной лодки. На ее борту он предлагал поставить кончане бунт для водного баласта. Чтобы всплыть, нужно было вытеснить воду с помощью воздуха. Лодка Естревина удерживалась на заданной глубине двумя парами горизонтальных рулей. Главная мачта — она удерживалась на бугристе — составляла вооружение лодки.

Они года спустя русский инженер Д. Апостолов представил проект судна для перевозки пассажиров через Атлантический океан. Корабль стоял на двух мощных колоннах, которые уходили под воду и там жергались и корпус подводной лодки. Апостолов считал, что такая конструкция спасает океанские путешественников от прокуки — без начин и тому подобного. Оригинальным было и устройство самих лодки. Для ее движения под водой Апостолов вместо гребного вала использовал сгаргообразный металлический конус с

— ВЫ СКАЗАЛИ, ЧТО ПЕРЕД НАЧАЛОМ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ ПОДВОДНЫЕ ЛОДКИ ДОСТАВИЛИ С БАЛТИКИ НА ДАЛЬНИЙ ВОСТОК. НЕУЖЕЛИ ОНИ ПРОШЛИ ЭТОТ ПУТЬ СВОИМ ХОДОМ?

— Их перевозили специальными транспортом. Кстати, это была первая в мире межконтинентальная перевозка подводных лодок вооружением боев ста тонн.

— ЭТИ ЛОДКИ СТРОИЛИСЬ НА РУССКИХ ЗАВОДАХ?

Зинаида Славина — актриса Московского театра
драмы и комедии на Таганке.

Не нигуда не брали. Говорили, что нет обаяния, нет голоса, неподходящая внешность, что у нее «открытый нерв», — словом, что у Зины Славинной сценические данные отсутствуют.

Когда она впервые стала мечтать о сцене? Давно, в детстве. И та опрометчивость, с которой она бросилась во все имитарств и тяготы поступления в театральный институт, была вызвана совсем не легкомыслием юности. Этому предшествовало приклонение перед давней мечтой и долгая неуверенность — нужно ли подчиниться внутреннему голосу, подсказывающему, что сцена и только сцена должна быть ее жизнью? Студентка Финансового факультета Рижского университета бросила все и уехала в Москву. Пытаться счастья.

Ее нигуда не взяли. Славина не доходила даже до первого тура. Везде ей повторяли одно и то же: нет сценических данных.

«То лето в Москве было жарким и грозным, и в тот вечер по арбатским мостовым опять хлынула Шулкина, не обращая внимания на дождь, бежала девушка. Она остановилась у большого серого дома актеров Вахтанговского театра и через минуту с решимостью уже звонила в одну из квартир».

Вера Константиновна Львова, профессор Шиншинского училища, когда вспоминает эту историю, всегда смеется.

— По непреодолимости все это было похоже на рождественскую сказку. Мы уже собрались спать, вдруг — звонок. Открыла дверь — стоит девушка, мокрая, ну нет такой мignon. И плачет. Плачет так, что ливень за окном мог бы ей позавидовать. Мы ничего не понимая, спрашиваем — молчит. Заставили раздеться, усадили пить чай. Успокоилась. И вдруг потребовала, чтобы мы с мужем (Шихматов тоже старшей педагог училища) ее послушали.

На следующий день по просьбе Веры Константиновны Зина читала ректору училища Борису Евгеньевичу Захаву.

— Что вы хотите послушать? Пушкина, Шекспира, Чехова, а может быть, характерное — Гоголя? У нее огромный репертуар. Это было так более удивительно, что большинство поступающих, кроме заученных с грехом пополам отрывков прозы, басни, стихотворения, ничего не знают, а на просьбу членов комиссии почитать еще что-нибудь растерянно замолкают.

Вера Константиновна в тот дождливый вечер сказала Зине, что та будет актрисой, будет обязательно. И сказала это, конечно, не для того, чтобы только успокоить девушку.

Но, и совершенно, естественно, Зина была опечалена. Никто набрав Борис Евгеньевич предложил Зине приехать на будущей год, с тем условием, чтобы

Елена ТОЛЧЕНОВА,
Миррослав МУРАЗОВ (фото)

она читала прямо на третьем, последнем туре. И через год ее приняли. Правда, мнения педагогов разделились. Многие похвалили столько раз уже слышанное; нет ниль, вернее, почти нет сценических данных. Но безоговорную любовь девушек и сцене нельзя было не заметить. А для вахтанговцев это чуть ли не самое главное качество, на котором строится становление будущего актера. Ее взяли.

Одна маленькая деталь, очень характеризующая Славину как человека. Ведь она тогда, уйдя из кабинета Захавы, не вернулась в Ригу. Почему? Может быть, потому, что ей трудно было возвра-

щаться туда, где ее «сонмины все мосты». А может быть, для того, чтобы весь этот год быть полной и своей мечтой, что бы ни стоило. В Ригу улетела телеграмма: «поступила, учусь».

В училище Славина говорила по-разному: смешная, странная, «с изюминкой». Она бралась за все — и за геронику и за характерность. Я помню, как Зина готовилась к одной роли из репертуара «нушать подано». Она засела в гримерной задоро до экзамена. Еще никого не было. Что она там наводила — бог ведает! Тем более, что нини-но было видеть, как она гримировалась (по гриму у нее иногда выщи «уда» не набегало). Татьяна Итробранова Шухмина, педагог по гриму, в умас прихориза от такого «аварларского» обращения с лицом. А парни она наклеивала там, как будто со «Берташа» проходила в нем всю жизнь.

Но знамен начался, объявляли отрывок из «Мертвых душ». Встретились Плюшкин и Чичиков. Оценкивояцэ смотрят на сцену педагогов, не менее строго — студенты. И вдруг из-за кулис вылетел, нет, выскочил и растянулся с грехом у порога рижский ассекучатый ком похоточья — какой-то странная смесь инсурацции и линого лубольства, хитрости и постоянного омидания тумана — рижный мальчишка, «моявая» крепостная душа. Гоголевский гротеск.

Это была именно не узнавшая Зина. И это была заслуженная петира.

Удачи и неудачи словно подчинились мудрому выражению великого поэта — «но порамения от побед ты сам не должиш отничать».

Славина отговывала свое право быть актрисой. И, наконец, на третьем курсе Юрия Трофимов Любимов получил Зина главную роль в «Доброе человеке из Сезуана».

Все, что любит театр, помнит этот студенческий спектакль, знает его судьбу, спектакль, открывший студентам и его постановщику двери нового театра — Театра на Таганке.

Для Славинной каждый спектакль был бой. Сражений бой за человечность в человеке.

Хотя некоторые ее упрямали в эксплуатации нервов, в насыщенный подхлестывания эмоционального и духовного запаса. Вместе с позавалим проскальзывали травоиные ноты: а не со-одном удача, откровение, на другом сплошной наде. Может показаться, что Славина игнорирует закон Станиславского (просто всемо действие) и играет сразу результат — чувство...

Верны ли эти опасения?

Театр — всегда поиск. И хотя по системе Станиславского у нас учат всех будущих актеров, истинность ее они начинают постигать только на сцене. И ошибки и пороки тут естественны. Тогда же, становление индивидуальности. Актёры, играющие вместе со Славинной, знают

ей оценку профессиональным языком, но она мне кажется наиболее точной. Я слышала однажды:

«Зина всегда вытывает спонтанно. Заплака слеза, утерла ритм, прожовала действие, спонтанно такостановилась, и зритель заснул, и всегда Зина словом, жестом, взглядом, заинтересованностью бросает зацепку, и спонтанно олицетворяется».

Славина не может относиться к театру, как и месту ежедневной службы. В каждом спектакле она стремится насладиться и отдавать. Вспоминается зад и выхватить его из состояния покоя. И для нее действие, как для любого настоящего актера, — основа основ, но ей этого мало. Мало. Именно поэтому, не зная, как сейчас, но в пору «Доброго человека из Сезуана» любимой актрисой Славинной была Диана Утманова.

Много говорили о гражданственности направленности творчества Зинаиды Славинной. Мне же хочется сказать о ее лирической натуре.

Налицо сцену свадьбы в «Добром человеке из Сезуана». Нищенское одрепие Шен-Те и в белой фатке на вали, страшные, паузы между гостями, ожидающих исподтишка скандала, и ее — зубенку, легкую. Этот маленький человек борется за ЧЕСТНОЕ, ПРЯМОЕ СЧАСТЬЕ.

Горе, печаль и тоска, которые вызвала эта сцена, продолжили, и радость оставалась, и радость жу дарилась Славина.

После этого был долгий период, когда трудно стало представить себе Зину Славину на сцене другой, чем в роли Шен-Те. И началось полное повторение. Понимая и углубляя в трагическом шии в одном и том же ключе. Славину понесла волна иронии, и чем больше актриса сопротивлялась ей, тем больше зашумела.

Полно-музыкальные спектакли на Таганке. Славина, привившая к ежедневной работе, вдруг получила совсем немалую свободу. Разно изменились ритм жизни. Нужно было искать кардинально новые пути на сцене.

А на выходе уже был «Тартюф». В театре царил беспощадный правдивый период. Прогнозы шли один за другим. Зина сидела на всех репетициях. Прогнозы она никогда не пропускала ни одной репетиции, даже если не была занята в спектакле.

«Тартюф» и в глубине — это яркость, острота и легкость, царство комического, заразительность сущностных сцен ритмом, — все это создавало атмосферу вахтанговской школы, вахтанговской традиции неспроста «Принцесса Турнадот». Но яркость режиссерского замысла проявлялась в отдельных актерских находках, в самом строе мизансцен, в словной музыке Волонского, требующей от актеров полного подчинения ритмическому рисунку спектакля, а фундаментом, соединяющим все, — чувствование. Ища этого спектакль не создавал ощущение целостности.

И вдруг, всего за несколько недель до выпуска,

Любимов назначает Зину на роль служанки Дорины. Вот уж где расцвела в полную силу все краски харизматичной актрисы, на манюю и прочия Славинну многие педагоги!

Бытует мнение, что Таганка — театр режиссера. Но тогда актер приносит с собой выдумки, рассыпая их полными пригоршнями по сцене, — что может не принести их, не зарыться ими? Такая щедрость на выдумку всегда празднична. Прославленная Дорина — классическая субретка — у Славинной вдруг решительно отгадалась от всех устаревших атрибутов моллеровского века. Есть негласное мнение, что текст Мольера был написан для нашего века. Славина непостижимым образом не только возродила его, но ее Дорина, современная Дорина, и не может говорить по-другому. Ей нужен именно моллеровский текст: он слышится, искрится — озорной, веселый и беспощадный. О-о, как она ненавидит этого тупого ханжу Тартюфа... Да плюнуть на него, и все тут! Большего он не стоит! Служанка светит пыль с семейных поргетов. Ага, вот он, этот ненавистный Тартюф! Она просто — трот его грязную рошу, грязь не отходит. Трет-трет и наконец плюнула. Кризис, там пачище старче. Еще раз плюнула и вдруг засмеялась и, довольная, ушла.

Разве перечислишь все находки, которые принесла с собой в спектакль Славина? С ее приключением спектакля сценизировался, сентиментализм, заремаз зритель неудавшей сатирой и откровенным хохотом моллеровского гения над всеобщей пакостностью, тупостью, пошлостью и пошлостью.

Интересно, что именно в связи с работой над ролью Дорины Славина как-то сказала запомнившуюся мне фразу: «Я считаю, что актер должен быть закрепощен в рамках режиссерского рисунка. Мне это помогает».

Ценно то, что о потребности местного режиссерского рисунка говорит самая расширенная актриса Театра на Таганке.

На Таганке премьеры — «Мать» Горького. Когда только начали распределять роли, ничто помчуту в труппе не сомневался, что роль Ниноны будет роль — никто не знал. А ведь от этого зависела судьба всего спектакля!

Юрий Петрович Любимов поставил несколько композиций. И все эти композиции он строил, подвигая их прежде всего своему индивидуальному режиссерскому видению. В этом их своеобразие, неповторимость, но одновременно и зыбкость.

Когда гражданское видение режиссера совпадает с высшим устремлением сегодняшнего дня, — приходит и высшее зрительское понимание, но если, подчиненные субъективному началу, начи-

нают выплывать невинность, поспешность, игра на симулированном — тут уже — тане проявление индивидуальности превращается в субъективизм, и он искут и режиссеру и театру.

Решившись на постановку «Матери» Горького, режиссер понимал, какую ответственность он возлагает на себя и на театр. Тем более, что подобную композицию делал сам Брехт, созданы два фильма, написана опера.

Теперь опасения позади. Спектант принят. Он стал серьезной ступенью и дальнейшему развитию театра. Все мы знаем, каков огромное политическое значение придавал этому произведению Горького Владимир Ильич Ленин. Театр посетил этот спектакль стоетую со дня рождения Ленина. А Славина, до сих пор шедшая по пути наибольшего выявления темперамента, в этой роли все начала с «Богого листа». Перед нами другая актриса, другой человек.

Болится нера, открыты чувства, болится сырое и неровностей, всегда сопутствовавших ее молодым героиням. Да и отступ Славинной, которой не исполнялось в тридцати лет, понять мудрость все повидавшей и перестрадавшей, словно приданной годами Власовой?

На спектакле мы почти сразу забываем, что перед нами молодая актриса. Русская женщина, тихая, скромная и такая гордая и красавица в этой незаметности, незначительности. Женщина много страдальца, женщина-труженица, женщина-мать, вот такая Нинона у Славинной.

Маленькая, почти забывавшая в голосом, с удивительно ласковыми и мягкими движениями, с добрым и лучистым взглядом, с нотками тихим, словно — бокалест некоротким, необходимым словом искривить, помолать и так мучительно неустроенную жизнь.

Выпрямилась Власовой, осмысление полной правды дела сына, необходимости борьбы происходит у нее не с ростом ненависти и ожесточения. Растет и выпрямляется ее природная материнская доброта, умиренная и забитая черной рабской повседневностью.

Нинона Славинной обращается к сердцу, сердцу человеческому, и в этом высшая гражданственная патетика образа.

Террор, предательство, убийства. Невня намидны до предела. У нее нумен крик, нумена ненависть, нумены проплатить. А Мать Славинной и погибает тихо. «Кричать только ее руки. И в этом предельном крике-волнении наибольшая и потрясающая нас сила образа.

***

«Нет праздника — нет спектакля», — говорил Евгений Вахтангович Вахтангов.
Пусть этот праздник живет в сердце Зины Славинной, сопутствует ей, а значит, и нам, зрителям.

ботал у устья скважины. Покрутившись в кулбудке еще немного, Маша пошла на буровую.

У помоста, во все длину его, чернели трубы. Помощник дизеляста спихнул трубу, ее зацепили двурогим крюком и поволокли на стенок. Там дилились помбуры, шипел воздух. Маша, отойдя чуть в сторону, увидела маленького Шахмудинова, бурдышника, порочавшего ручку пульта. Труба зымыла вверх. Что-то кричал Степанов. После махнуа ручкавей, труба закружилась — все быстрее, быстрее — и попошла вниз.

— Это пока все трубы не перетаскаете, работу не кончите? — спросила Маша немного погодя Степанова.

— Закатать тебе лекцию, а, бубноват? — улыбулся Степанов.

— Закатай, — откинула Маша голову и метательно поглядела в синее солнечное небо, взбудораженное гулом улетающего вертолета.

Сильный застойный туман нагдуко окутал вагончик. Прогатодр хралел. А Маша не спала... Притворил дверь, и туман вылетел в помещене, начнет стлаться по полу, а после заниснет на барьерчике, затянет стол, смеякой, койку — разве что в душу не вдрут проберется...

Ей виделась вышка, слышался голос Степанова...

Степанов тогда все-таки подстрелил копылку — и Маша, отсвиня пожелого повара, сама приготовила жаркое. Ели всей вахтой из одной сковородки, и, хотя Маши достались сухариков одно рефрышко да парочка карефелин, ей было и тепло и уютно за разговором. «Это для завтраки», — сказала Степанов, когда доели птицу. И все приналясь за казенный отвалый обед, подогая Маши те хлеб, те соль, те перен в шелевый прозрачный мелочес. Повар — хозяин столового балка — только успевал подавать суп, да кашу с колбасным фаршем, да комлоты.

После обеда Степанов, достав сигаретку, рассказал: «Я ведь сам в Сибирь побывался. Зимы все-таки. Да и, признаться, мы у себя-то в хороших ходили — весота была снитаться. Ну, больше всех у нас в Ахмад шумел: «Поехали — и поехали! Башка, говорит, дурной надо иметь, чтоб не понять: там, мол, классный буровик теперь нужней». Смотрю, все больше ребят к этому делу склоняется, и семьи у многих сложаны. Ну, а я куда — без бригады-то?.. Собрался! — Степанов чиркуд спичкой, нахмурился, о чем-то умалчивая, и спихнул с языка табуличку. — Мы ведь бригадой приехали. Вот, бубновая, какие дела-то... Только один уже навад подослал».

«Не понравилась?»

«Как тебе сказать... Приехали, одному вроде нравятся, другому не нравятся. Ну, помякнисьше, будто тебе все нравится. Один, скажем, по садам затосковал — чуть не плачет. Это Субботин Михаил Аверьянович, самый наш пожелой бурдышник, вот он как раз и будет заступать на вахту после Ахмада. Другой на машину накопал — а куда ее, машину? Где сидеть будет? Крутом один хлаби да трясина. Третий еще что-то будит... ты, значить, всех слушаи, ну, а сам — ни-ни. На ты и мастер! Я ведь, бубновая, мастером с двадцати лет слес...»

«Вуду теперь знаешь».

«Ага! Недавно день рождения справляли. Компосту набрали и давай глотать в честь тридцатилетия».

«Что ж у вас тут, сухой закон?»

«Нет. Забыл, закрытлся. Да шурт с ней, с водкой!.. Вот я и говорю, один уже навад поворок, Помбур. А таких помбуров поискать. Мы же, бубновая, тизело тут начали. С шаврик. Ну, а бурнина бызает... Бурный ный инструмет прихватили! Так пока его торчащирывали — чуть концы не отдали. И помбур отот больше всех отличился. Вот... А как начинаются подготовительные работы — они-то самые грязные, самые безде-вешные, — так у него тут болит, там хрипит, уже в систему вошло. А у нас в бригаде ребята, если заболит, и с больничном пойдете. То ниш, и то со станка не уходят. А Ахмад, поверьшь ли, и от отпуски отказался — на тот год переех. У нас Мельниченко Слава, бурдышник, отгул сломал, а его не так-то просто заменить...»

«Скажи-ка! Ну, а бездежда-то вашего как авали?»

«Это, как говорится, зимнем. Дело прошлое».

«А сам-то ты не думаешь отсюда?»

«А я еще, можно сказать, не совсем и приехал. Не перебрался полностью в Сибирь». Степанов вдрут бросил окурки и запатал прочь. Маша наугутелло на себя обиду: кончилась, видишь ли, у него время для гостины. Степанов не просто ушел, уверила себя Маша, он и забыл поостыть. «Не в моем характере», — решила она. И дала себе слово не очени-то размышлять о нем, сумно догадываясь, что Степанов не так уж прочь.

Пол удру Маша забралась в крепком сне. И ее слышала, как Прогатодр вынул, притауд скринувшую дверь. Проснулася оттого, что замерзла. Еще ночью сама выдернула широк рефрыктор, и тепло успело уйти. «Сморю Нюряна являлся», — зевнула, подумала о своей сминдике и, перереува плечами, выглынула в окошко. Туман поредел. Виднолася зыбка серая река, чернели уже вертолеты, простунала тайга. Маша ополоснула лицо, причесалась, морщась, и, застегнувшись на все крючки и пуговицы, отворила дверь. На крыльце курил Прогатодр.

«Вдаться, новый год! — удивлялся Маша. Голос ее был звонок. — Вы ж плошадку вчера кончили!»

«Что с того? — Прогатодр отставил ногу. — А сегодня работенка предстоит будь здоров. Проставляеши, третего-го дня трактор провадилсы. Доставай, будем».

И как же?

«А хрен его знает. У нас линейный механик туповат. Раз уж провадилсы».

«Интересно! Одним глэдато хоть поглядеть».

«Да чего там глэдато! Нашла тоже. Тинем в тайге дежневку, лес корчумем... Век бы, Машенька, этого не видела!»

«Красиво говорши!»

«А с такой работой и запоешь и напачеши. Хоть с трактором возьми. Главное, дело, все пределяи — ил по болоту, все нормально. А тут пуштой на обет поехал — и ухнул!»

К 100-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ
РОЖДЕНИЯ
ИМЕНИ ЛЕНИНА

СТАЛЬ

С танцья Зуб-гора. Следующая — Октябрьская площадь. Товарищи пассажиры, приготовьтесь к выходу! Приготовьтесь к выходу, товарищи пассажиры: подтяните повязки шарфы, завяжите ушки, поплотней наденьте перчатки.

И обожжет лицо студеной дымящей тундры, мгновенно задувают попы пальто, отжелеют ресницы под нежным грузом куржи, и сквозь них ударят вам в глаза контрасты света и тьмы, без которых невозможно представить зимний Норильск. Брызнут радужные разноцветные рыбки и витны Ленинского проспекта — просторного светового тоннеля, врезанного жестким неюном в асфидный монолит города, сигнальными лампочками на огром-

ных контрольных щитах замерцают теплые окна домов, как бы прорубленные в мощных кирпичных стенах, а вернее — в сплошной стене, заревающей над тундрой подобно порывистой пурге или борту океанского теплохода, о который разбиваются снежные валы пурги.

Минус тридцать. Ветер — пятнадцать метров в секунду. Заполняющий Норильск приветствует вас.

Давайте отойдем в сторону, чтобы не мешать командированному, устремившим свои челомыды на призрачные огни гостиницы.

Давайте остримся. Не стоит откладывать нашу экскурсию на завтра. Светлее не будет; в разгаре полярная ночь. Теплее тоже не будет. «—30» — это как раз та отметка на спиртовом уличном термометре, при взгляде на которую ночью, озлобленные — «—50» и «—55», облегченно вздыхают: «Хорошо — отпустило.»

У каждого города есть свой смысловой центр. Что ни говори о новых кварталах и архитектурных новшествах, а в Москве смысловой центр — Красная площадь, в Одессе — Приморский бульвар (не тот бульвар, по которому прогуливаются вечерами, а тот, с которого всматриваются в море, ожидая женихов и мужей), в Сочи — пляж.

Мы сейчас в той точке Норильска, которая и есть его смысловой центр: Октябрьская площадь — источник Ленинского проспекта, место, где вот уже пятнадцать лет на постаменте из уникальной прочности бетона стоит памятник Ильичу, оборванный лицом и рослыми заводскими и рудничными орудиями, место, где пересекаются все дороги Таймыра.

Одна из них, самая оживленная, продолжением Ленинского проспекта спускается вниз — гусьсающая трасса орудий, минуя парующее от теплых сбросов ТЭЦ Долоево — здесь, на которое когда-то сядили эскадрилья боевых самолетов, вывозившая на оборонные заводы страны первые крупицы драгоценного норильского никеля, минуя Нулевой Пикет, где более трех десятилетий назад выросли первые

домишки будущего города — она ведет к предгорьям Рудной и Шмидтихи, к этой огромной промышленной площадке, где день и ночь полыхают конвертеры, гулят миллионваттные электротечи, вспыхивают обильски плавки и далеко в дикую промерзшую тундру посылают сполохи зарницы шлаковых сливов.

Дорога на запад, стальная однопутная, защищенная деревянными заборами-ветродуями, — самая длинная на Таймыре. Она пронизывает поселок заполярных угольчинок — Кайеркен, разветвляется к аэропорту «Норильск», где стрекочут компрессоры, нагнетая горячий воздух в промерзшие самолеты, одним броском достигая берега Енисея, необятных пагулов Дудинки, где всю долгую зиму копятся слитки меди и никеля, бочонки кобальта, ожидая своего часа — пышущие залпов весеннего ледохода. А за крошечной сходящей к Ледовитому океану льда уже движется стая, словно гуси, теплоходы и баржи, чтобы развести норильский металл по заводам страны.

И, наконец, восточная трасса, самая молодая. Десять лет назад это была всего лишь тропа. По ней-то и вышли после летнего маршрута к началу Ленинского проспекта геолог Василий Нестеровский и его товарищи, Сиббась под таежные рождка, но он не знал еще, что слава уже догнала его, одного из самых молодых в стране лауреатов Ленинской премии, что эти обрившие, ломившие плечи, — первая руда уникальнейшего Талнакского месторождения, которая даст новую жизнь Норильску.

Сегодня там, на востоке, кварталы пятиэтажных домов — Талнак. Каждое утро, пройдя по Ленинскому проспекту, сотни людей устремляются на рабочих электричках к забоям «Комсомольского» и «Маяков», уже движущим руду, не требующую обогащения, к открытым площадкам, на которых гремят взрывы — здесь закладывают новые, невиданной мощности рудники.

Огромная доля веса меди и никеля Советского Союза — вот самая близкая, расписанная по срокам, самая деловая перспектива Норильского горно-металлургического комби-

ната. Это суммарный итог сил, мужества, знаний и таланта заполярного города и его главной улицы.

Внимание! Выступает на Ленинский проспект, где едва ли не на каждом шагу могла бы висеть табличка: «Самое-самое!»

Это самый необычный проспект в мире. Дома его стоят «на курьих ножках» — на железобетонных сваях, впавших в толщу многолетнемерзлых пород, а в подвесах можно увидеть табличку: «Граждане! Не нарушайте вечную мерзлоту! Этот метод строительства, распространенный сейчас по всему Заполярью, — удостоенная Ленинской премии работа группы проектировщиков самолета северного и мире проектного института «Норильскспроект».

Дворец культуры металургов. Здесь выступают самые отменные гастроляры, которых не испугали ни морозы, ни полярная ночь (справедливости ради, нужно отметить, что они далеко не всегда самые талантливые).

Самый северный в мире ширококранный кинотеатр. Гостиница «Норильск». Самая уютная в Заполярье, а может быть, и в стране. Здесь можно встретить людей в самых экзотических одеяниях. А вы не спешите щелкать фотоаппаратом. Человек, облаченный в роскошные кожно-маховые одеяла, вполне может оказаться, как это однажды случилось, сотруженным московской Академии коммунального хозяйства, прибывшим в Норильск для ознакомления с опытом работы самого мощного в стране цеха механизированной сибгорбы.

В полярной ночи далеко виден свет слабой улицы.

Дважды в день — на работу и с работы — проходит по Ленинскому проспекту старший вальцовщик аниобного цеха Александр Полежаев с дружкой из комсомольско-молодежной смены.

Виктор ЛЕВАШОВ,
Альберт ЛЕХМУС (фото)

Загс. Здесь можно получить документальные доказательства того, что Норильск — рекордсмен по рождаемости (на душу населения).

И здесь же, в старых подшивках, можно прочитать выписку из документа, которому нет еще и тридцати лет. Это постановление о строительстве поселка Норильск на 14 тысяч жителей, исключительно мужского одиночек. В постановлении особо оговаривается, что максимальный срок пребывания на Севере — два года с последующим обязательным полугодовым лечением в санатории.

Самая большая в стране плотность телефонной связи — об этом вы узнаете в конце проспекта — на АТС.

Самый телевизионный город мира. В среднем в мире один телеприемник приходится на 30 человек, по

Суюзу — на 17, в Норильске и Дудинке — на четверых.

И если вы еще немного побродите по этому самому освещенному в стране проспекту (норма в Москве — 4 люкса на квадратный метр, в Норильске — 16), то убедитесь, что здесь самые благоустроенные рабочие общежития и детские сады, самые красивые магазины и кафе. А в ресторане «Лампа» самый северный в мире бармен, таллинец Йонас Йостас, приготовит для вас коктейль и предложит кресло у самого северного в мире камина.

Довольно, пожалуй. А если нет, загляните в арку любого дома. Во дворах самые капитальные, двухэтажные мусороборники (зимой из-за сугробов они становятся вполне нормальными — одностаянными). И, наконец, тут же, на проспекте, в самом северном горотделе милиции,

вам бесплатно покажут самого северного в мире пятнадцатисуточника. Но на это не стоит тратить времени: они везде одинаковые...

Чтобы понять человека, мало знать его имя, род занятий, процент выполнения сменных норм и внешние приметы. Даже биография — лишь толчок к осмыслению характера.

То же можно сказать и о городе.

Исторически закономерно, что Ленинский проспект начинался с Октябрьской площади и лишь затем уже возникла площадь Гвардейская, посреди которой высятся глыбы руды — на этом месте будет устроен обелиск в честь первых строителей Норильска.

Исторически закономерно, что Ленинский проспект, начинающийся массивными зданиями с полукруглыми фасадами, лепными карнизами,

затейливыми колоннами и капителями, становится с годами все легче, строже, просторнее, и сейчас в конце его — спланированная площадка, на которой выростут шестнадцатиэтажные дома и театр из стекла и стали, — этим ансамблем завершится проспект.

Исторически закономерно, что город, труд которого так весомо ложится на итоговую чашу страны,

сегодня более чем наполовину состоит из молодежи до тридцати лет, в средний возраст руководящих работников — 35 лет. Биография городов складывается из биографий людей. Именно их характеры и интегрированные душевные склонности создают в конечном итоге ту неповторимую духовную атмосферу, которая отличает любой город, в их числе и Норильск. Какова же она!

Во Дворце культуры металлургов популярен молодежный клуб «Прометей». Здесь увидишь работницу, конструктора, поэта...

Где бы вы ни жили, куда бы ни шли, в Норильске невозможно не увидеть Ленинский проспект. Давайте проследуем за этой девушкой, спешишь вдоль ярко освещенных витрин.

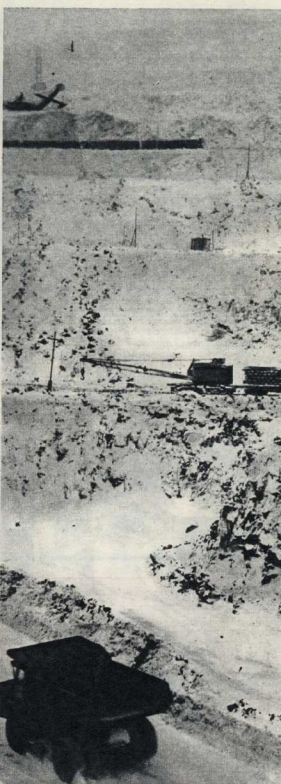
Таня Федкевич, коренная норильчанка, 17 лет, совсем недавно — десятиклассница. Ее маршрут примерно такой же, какой может быть у любой москвички или ростовчанки: школа, где она работает преподавателем ритмики (она получила это право, окончив четырехлетнюю балетную студию), Дворец культуры, где она продолжает учиться у балетмейстера Рансы Александровны Калугиной, подготовительные курсы вечернего индустриального института.

Но обратите внимание, сколько раз на этом маршруте ей приходится здороваться самой и отвечать на приветствия. А если бы вы однажды летом, когда полновое солнце простреливает проспект, прошли по нему с кем-либо из норильчан, вы поняли бы, что при всей парадоксальности выражения «Норильск больше Москвы» не лишено оснований.

Магазин «Енисей» — один из красивейших в городе. Коренной норильчанке Тане Федкевич еще только будет 18. Уроки ритмики в начальной школе — ее первая самостоятельная работа.

Да, если оценивать величину города по кругу товарищей, друзей, просто знакомых, то Норильск для большинства норильчан Больше, чем Москва для большинства москвичей. А если прибавить к этому географический фактор — изолированность от материка, объединяющую людей, и фактор экономический — общность всех заводов, цехов и служб комбината, почти прямую зависимость каждого человека от результатов труда самых далеких, казалось бы, звеньев, — вы поймете, что заставляет людей, не считая со временем, выполнять срочные заказы медеплавильного завода, попавшего в прорыв, или бесплощаться о ходе навигации на Енисее. Вы поймете истоки того интереса, с которым норильчане слушают скучнейшие, казалось бы, производственные сводки, которые по утрам читает в радиостудии, окнами выходящей на Ленинский проспект, норильский диктор Жанна Дунаева.

...Этого человека можно увидеть на Ленинском проспекте каждое утро. Пряча от встречного ветра слегка розоватое от давнишнего обморожения лицо, он мимолетно огибает на автобусных остановках, в которые по утрам выстраивается весь Норильск, привычно уступает дорогу на тротуаре зашедшей лошади, из которой развозят из местных теплиц по магазинам зеленый лук, заботливо укутанный в толстые ватные одеяла, и сворачивает к одному из первых зданий проспекта. Вечерний индустриальный институт. Он всего в пятидесяти метрах от перрона электрички, с которого мы начали нашу экскурсию. Здесь люди делают первые шаги по норильской земле.

Десять лет назад родился Василий Рябихин, чтобы преодолеть эти пятьдесят метров. Путь его, демобилизованного солдата с восьмиклассным образованием и специальностью шофера, от подножки электрички к

подъезду института шел через ремонтные мастерские автотранспортной конторы, по карьерам «Угольного ручья», через прокуренные диспетчерские, через классы вечерней школы, наполненные убаюкивающим дыханием калориферов, через бессонные ночи над книгами.

Сегодня, спустя десять лет, в подвале института входит кандидат технических наук, доцент, руководитель научно-исследовательского центра Василий Иванович Рябихин...

Целеустремленность — еще одна из основных составляющих сегодняшнего Норильска, города воинстину блестящих карьер в самом лучшем и в самом широком значении этого слова.

И еще одно. Как ни комфортабельны самолеты Аэрофлота, всего за пять часов доставляющие человека из Москвы в аэропорту Норильска, как ни обжит и уютен город, все же

требуется известное мужество, чтобы человек решился бросить насиженное место и связать судьбу с этим суровым краем. Уже на самых дальних подступах к Норильску происходит отбор, а первая зима довершает отделение злаков от плевел. Остаются лишь те, кто действительно ищет точки приложения своих сил, своего настоящего места на этой земле. Они получают поле деятельности, которому можно лишь позавидовать, они-то и становятся своими на Ленинском проспекте... Они и прославили город — молодые и деятельные. Это о них сказано в Указе Президиума Верховного Совета СССР, принятом 17 мая 1966 года: «...за самоотверженный труд комсомольцев и молодежи в сложных условиях Заполярья награждать норильскую городскую комсомольскую организацию орденом Трудового Красного Знамени».

Высокую награду заслужили не-

сколько поколений комсомольцев — и те, кто открыл и разведвал таймырские богатства, и те, кто строил Норильск и давал в годы войны металл фронту, и те, кому ленинградские и московские райкомы вручили путевки в 1956 году, и те, кто сегодня добывает руду Талнаха.

Наша экскурсия подошла к концу. Но не стоит торопиться на электречку. Давайте прежде зайдем в гостиницу, погреемся в просторном холле, поужожем на зимний сад, звонко и послушаем радио!

«Московское время два часа ночи. Доброе утро, товарищи! Сегодня температура воздуха минус сорок шесть градусов, ветер северо-западный, двадцать метров в секунду. Вниманию авиапассажиров. Наш аэропорт закрыт.»

Так-то.

Земляничный Норильск приветствует вас!

В детском кафе у 69-й параллели на стезях жатых поседа, примают обложки и растут пальцы.

Карьер Медвежий ручей — рудная кладовая. В ясную погоду он виден с главной улицы.

Самый северный плавательный бассейн.

Институт «Норильскпроект». Архитекторы мастерской лауреата Ленинской премии В. С. Непоклаицкого проектируют различные объекты в условиях вечной мерзлоты.

Альберт ПОЛЯКОВСКИЙ,
Альберт ИВАНОВ (фото)

Раскрытые, будто у голодных птенцов, рты кушину цепились в дверной проем. Из дальних углов едва проступали контуры горшков. А лязги стонками стояли обособленно. Даже легкой полусумраке щеза не мог скрыть их откровенного торжества над всеми глиняными мифами этого пространного жилья. Вот тут-то и явился мне на добрую помощь музрей Халив. «Вчера в гончарную зашел я в поздний час, и до меня горшки бесада доносились. «Это гончары», — вопрош един из них мне задав, — что поуплатим, что продащи средь наст-Джура, стоявший у дверного носка, сказал:

— Вот они, мои глиняные боги, на полу, на полках. Одних уездут, л других сделало. У меня в армии, в туббочке, кусок нашей рихтанской глины лежал. Старшина сначала надызвал, а потом перестал. Или надоело, или понял...

ПИСЬМО С ЮННОЙ ГРАНИЦЫ. «Многоуважаемый и любимый мой отец, дорогае мое братъ, шлю вам горячий солдатский привет с энской заставы. Дотог не писал, не сердитесь за это, просто было много трудной работы. А сегодня замолотит устоина в казарме вечер, на котором каждый из нас рассказывал о своем родном доме. И меня слушали — о нашей улице, о нашем деле, о вас, папа, и о лянках, которые сотворил давным-давно знаменитый усто Абдулла. Сердце мое всегда в Рихтане, и я не устану об этом говорить. Дома у нас, конечно, уже цветет вышад. Мои любимая пара. Там кочется в Рихтан, считаю дни до демобилизации. Руки скупают по глине... Ваш сын и брат, радовой Джура Хайдаров».

Вся посуда в их доме сделана руками Хайдара-ата и его трех сыновей: пилы для чая и лязги под пилы, носы, в которых шурят трижды вусные, и кумганы, в любую жару дающие воде прохладу... В таче, узбекские стеной шкафу для посуды, живообразное соседство буйных красок. Но даже современно назидывая их яркость не в состоянии заглушить благородное изящество черванин, возраст которой приближается к полутору столетиям.

В рихтанских семьях благоговаяно хранят эти знаменитые голубые лязги. Их в прошлом веке сделала известными знаменитые мушавал-гончарам великую славу. Брюссель, Париж и Мюнхен восторжались произведениями рихтанских чудотворцев, японские фирмы пожелали недавно приобрести большую партию местной посуды и сувениров.

Слов нет, он был велик, усто Абдулла! Он властвовал над глиной и цветом, и равных ему не было. Легенды об усто Абдулле живут бои о бои с его славою. Вот он, седобородый годок, дарует мечеть своим землякам. А деньги на постройку заработаны в Коканде, у хана Худайра, дворец которого облицевал знаменитый мушол голубыми изразцами непорторной красоты. А вот томю он, стремительно разметав полы длинного халата, спешит в мастерскую, в помещении, надежно прикрытом от глаз рихтанцев. Только этим прономчанным стенам доверял усто Абдулла великие свои тайны.

Стены молчат и поныне; рецепт же голубой глазури унес скаредный кушол с собой в могилу. Не деньги — на них он был щед, но славу — полной чашей он ее пил. Унос тайну своего могущества. Думал, видать, что всегда унес.

ПИСЬМО НА ЮННЮ ЗАСТАВУ. «...Вчера опять ходил я на сопку Чунгара. Весь выходной на это потратил.

Формовка глины — это и ремесло и искусство.

ВУДЕСИМО

Но все без результата. Наверное, мой мой брат, без тебя, без твоей помощи не обойтись. А ты у нас теперь пограничник, следишь. От твоего глаза ни одна тайна не скроется. Там что ждем мы тебя негласно, а я больше всех. Ты придешь, и мы загаданные события, которые шептались людям усто Абулаха. Криво и тебя обнимаю. Твой брат Эргаш».

Джура сказал, не отходи от двери: — Еще раз прочти эти стихи.
«Ито гонимы, кто погуптали, кто продали бредь нас!»
Идем. — шагнул он под дождь. — Идем в нашу мастерскую.

Вспыхнул свет, и все танцующею-ность этого вечера бесследно растворилось. Джура взял с полки сырое блюдо, повернулся ближе и лампочке. Самодельный цинковый ящик с острым кончиком в глину. Ируг, еще круг. И еще пять полуциргов. Блюдо на ладони — блюдо без веса. Острым углом вен Джура причудливые линии, усеременно и броско. Слово по готовому рисунку шел, для чужого глаза неприятно. Тут и кисть очереди пришла. Он словно проливает цветные узоры. А глина глушит тон и легким мунуло помест огнем. печь идет работы. И кто знает, не на другой ли край света уедет это чудо, рождающееся сейчас в руках Хайдарова-младшего.

Заговор наш запомнился.

ВОПРОС. Сколько лет ты учишься? ДЖУРА. Ты видел работу отца? А я только начал что-то понимать, только учусь, как малый ребенок самостоятельно ходить. Мой отец рассказывал про одного старинного гончара. Можег, сто лет назад это было, минут, тысячу. Двадцать лет у него учился один парень. И старый гончар разрешил ему считать себя мастером. И парень стал делать и обжигать свою посуду. Но народ не брал ее, вид у нее был не тот. «Почему?» — спрашивает человек у старого учителя. А старик говорит: «Можу сказать, почему тебе не берет. Но за это ты еще десять лет будешь моим учеником».

ВОПРОС. В чем же секрет был? ДЖУРА. Этот ученик торопился и забывал счищать перед покраской лигам от пыли. Вот глина мелкая.

ВОПРОС. Но ведь Хайдар-ата разрешил и тебе, и Эргашу, и Мухтару работать самостоятельно?

ДЖУРА. Если бы ты спросил об этом отца, он ответил бы тебе так: «Мускус — это то, что благушает, а не то, что называет мускусом». Но будет и у меня мускус.

Путь и цели лежит через терпение. Добрый десяток лет Тухта-сын Абураусов пытался выстоять по сохранившимся образцам рисунки традиционной рихтанской росписи. Большой осколок от лигана, сделанного легендарным усто Абулахом, не выжило из рабочей комнаты мунула. Это эталон, скопировать который удалось уже довольно точно. Но внешне

Лиганы — блюдо для узбекского ладов, изделия Рихтанской мастерской.

Они коллеги — старейший мастер Хайбар Усманов и его сыновья.

Если ты знаешь...

О чем я хочу рассказать, ты, наверно,
не знаешь
и то, что глазами ты взгляд
удивительный ловишь,
скрываешь.

Я с раннего утра на поле ушел
за цветами,—
не знаешь,
ты тоже уходишь,
ты тоже блуждаешь в тумане
одна лишь.

Те мысли, что мне подсказали цветы,
собираю,
богатырь.
Ты топчешь, ты рвешь их, меня
удивляя,
со зла ты.

А если порой под хмельком
вернусь я, женой
тепла лишь,
ты долго молчишь, к стене
отвернешься, вздыхаешь
и плачешь...

Ты хочешь со мною все время,
все время
везде быть.
А я над стижками корплю. Ах, что
с вдохновенным
поделять!

Послушай меня, не сердись,
не ругайся
за это.
Уж если ты любишь поэта, то помять
попытайся

поэта.

В Африке

Крики и гвалт — это базар.
Горький плач и горький смех.
Это тебя продают, человек,
возле хляби —
жженой товар.

Стоит человек, в цепях ослаб.
Руки и ноги его в кандалах.
Пусть продают его — он не раб,
в глазах его гнев справедливый —
не страж!

Человек! Человечество ли ты!
Топчут тебя какой уже век.
Человека продают

топчут нмз твои: «Человек!»

Топчут достоинство, топчут все,
на чем земля от века стоит,

топчут священное нмз твои,
нмз,
которое гордо звучит.

Африка! Сердце мое в крови —
черный рынок для черных людей.
Африка! Белые палачи твои
диких и злобных зверей топят!

Это в наш стремительный век,
когда на Марс полетим вот-вот,
на новельничьем рынке еще
человека такого же продают!

Разбой и насилие,
спесь и смерть.
О, Человечество, как же так!
Мне надо обратно вернуться —
меня ошмидает
кляпящий жизнью мой город...

Турар КОЖЕМБЕРДИЕВ

Ударил пуля от дота всего в трех
шагах —
два солнца потухли,
навек потухли в глазах.
По шарнирно

чмы-то шагов, по шесту тихой
листвы
привык он разглядывать мир,
лишенный навес снегов.

На музыку мира,
на запахи звонко скользя,

он знает, что звук можно видеть,
что звук — это тоже глаза!

Пробитые пулей завали два солнца
в глазах,
но песня — глаза!

И песней он видит вполтаых.
И девушка песни подносит ему
горячие,
как красные яблонки
с длинных и влажных ветвей.

Без единой морщинки на белом лбу
поднимается утро...
И сразу спрону
о себе самом, про свою судьбу
песню над собой подпал жаворонок.

И песня на ультракороткой волне
нависла в утренней тишине
к, к облану дальнему
прикасаясь,
попелата,
над тихой землей расслапаясь.

Жаворонок ветер чистый глотает,
словно ветер зернистый ячменя.
О, как он в песню
каждый глоток превращает,

так,
что песня сама несется, звенит!

Потекли мелодии,
а голос и чист и звонок,
и вся земля поет
под косыми и острыми его крылом.
Как выщедет маленькая,
щуплая жаворонок
столько мелодий
в маленьком сердце своем!
Встав ночью,
кладут зюки верблюдам на горбы.

Смотрю в окно — горят ночные
солнца,
они горят и гаснут надо мной.
Сильнее сердце бьется, бьется,
бьется,
тяжелое, как будто шар земной.

Вечный огонь

Курган...
О, как здесь шикальны смерчи —
Осколки, пули и огонь!
В дыму, среди повальной смерти,
Команды крестит:
— Огонь!
— Огонь!
Идут в штыки по склону.
— Огонь!
Ползут, обожжем!...

Стою у бруствера и гложу
От тишины, от тишины!
Курган. Густой сирени запах.
Огонь, оправданный в гранит.
Он вечен и горяч, как память.
Что жизнь хранит и смерть хранит.
Но память, бед не отбывает.
От груза ослепотел и губител...
А вдувет огонь навети слобет,
Как воми, кровью истекла!

Но нет! Сынов осиротело
В асфальт брахались хорона,
Россия столько раз горела,
Что хватит на века огня!

Лебеда

Есть на свете трава-лебеда.
И бывает на свете беда.

Почему-то беда с лебедой
Неразрывна...

Я помню: едой
Лебеда нам служила, когда
Нашу землю постигла беда.
Черный хлеб пополам с лебедой
Записал холодной водой.

А с пшенчиной мукой поезда
Шли к фронту, как довок, никогда
Лебеда не являлась едой.

Дерево

Из него у ома в пещере
Человек сработал первый лук.
А однажды, сбросив шкуру зверя,
Деревом вспалк медяный лук.

В зной оно — зеленая прохлада.
На коре хранит, как амф, слова.
Бьет незваных, как удар приклада,
И безмолвно плачет, как вдова.
Нам все жизнь сопутствуют: свирели,
Жаркие ноты в лесной дали,
По весне — пахучий сок земли...
Дерево идет на колыбели,
А приходит срок — на костыли.

Громоотвод

Есть люди, лишь едва гроза ступит
В их тусклом небе, тучам клубя,
Стараятся от грома уклониться
И отвести удары от себя.

Укрывшись, ждут, как выпли на
болоте.
Из темный склеп оцепенело тис.
Лить гул вдаль... То вынуждено
кто-то
Удары принимает вместо них.

Случится, что гроза с холодным
градом
Мое крутое небо расщепит,
Я помню о других, стоющих рядом,
Приму удары, как громоотвод!

Рисунок Валерия КАРАСЕВА

2573.

AMITY AH BATTU. «САРОР С СУРРОМ», 1717 ГОД (1)

Жаирзиньо, правый крайний бразильской сборной и «Ботафого». Сегодня он стоит 150 тысяч долларов. А завтра...

СУДЬБА ФУТБОЛЦА В

Грустная бухгалтерия

Всю неделю по грошу собирает Жозе три круэйро, экономка на своих вонючих сигаретах, на лекарствах для восьми своих детей, на фансио, являющейся единственной гнидой семьи, на туалетах для босаногой дочери, которая не может найти жениха. В воскресенье, словно крикливый протест своей измученной родом и нищетою «комальейра Лурдас, Жозе отправляется на «Маранану», где отдает три круэйро за место на «арибанкаде». Он платит эти деньги не просто ради того, чтобы посмотреть любимое «Менгю...». Когда его силные грязные бумажки исчезают в окошке кассы, он чувствует себя счастливым. Ведь деньги побудят в сейфы родного клуба, который доставляет ему столько радости и побег его прости! — горю... Жозе счастлива, помогая «Менгю».

О том, что происходит с его деньгами после того, как кассир равнодушно кидает их в щель, мучат не задумываясь. Ему некогда думать об этом, потому что он торопится на свою «арибанкаду», где уже грохочут тамборны, взмывают ракеты и развеваются красно-черные флаги «Менгю»...

Мы не побдем с ним. Мы спустимся под трибуну.

Как я уже говорил, на любом футбольном матче, проходящем на территории Бразилии, где-то в середине второго тайма диктор торжественно сообщает размеры сбора. Эти цифры затем повторяются всеми футбольными комментаторами и публикуются во всех отчетах о матче, поскольку важность, категория, класс футбольного состава в Бразилии прежде всего измеряются не количеством забитых голов, а валовой выручкой кассы. В воскресенье вечером усталый комментатор, заканчивая по телевидению обзор очередного тура, глубокомысленно прогнозирует: «Минувшая неделя была очень слабой: она дала только 400 тысяч круэйро... Следующий тур может достигнуть полумиллиона».

В этом внимании к финансовым проблемам футбола нет ничего удивительного, если мы вспомним, что любой профессиональный футбольный клуб — это деловое предприятие, главным назначением которого является извлечение прибыли и получение доходов, которые являются, как и в любом другом капиталистическом предприятии, предметом эксплуатации трудящихся, в данном случае футболистов. И подобно тому, как рабочий бразильско-западногерманского автозавода «Фольксваген» может быть без объяснения причин вышвырнут за дверь или переведен на другую, менее оплачиваемую работу, футболист может быть выгнан из команды или посажен на скамейку запасных, что тоже приводит к ощутимому падению заработка. Впрочем, положение футболиста даже хуже, чем заводского рабочего. Любой рабочий или служащий может потребовать, когда ему вздумается, расчет, а профессионал мяча лишен даже этой возможности: до окончания срока контракта он является собственностью клуба. Такой же, как стол в кабинете президента «Фламенго» или скрипящий арфиомер в бухгалтерии «Ботафого». Когда эксплуатируемый «Коринтиансом» Гаррина — легендарный «бикамплеон» мира попытается «хитнуть» дверью, устав играть с травмированной ногой и выслушав поперек, трибунал спортивной юстиции дисквалифицировал его на два года, запретив ему играть в течение этого срока на территории Бразилии. В то же время хозяева любого (в бразильском языке называются «картоны») могут распрямиться игроком по своему усмотрению: продать, обменять, сдать в аренду или уступить взамен, не опасаясь никаких конфликтов с профсоюзом. Потому что профсоюз у футболистов нет. Если какой-нибудь нумир торсиан стоит слишком дорого, он может быть куплен в кредит. На тех же условиях, что и холодильники или стиральные машины. Круглый год бразильская пресса со слухом обустраивает всевозможные операции на негласно устанавливаемой футбольной бирже: «Ботафого» просит за артария Мангу 600 тысяч круэйро». «Пра-

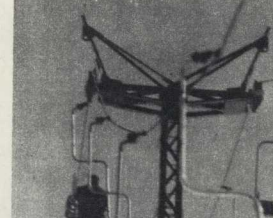
Игорь ФЕСУНЕНКО

Продолжение. Начало см. в № 1.

Отдых в горах: заботы хозяев и гостей

рации Мендоса Фалкао. Журнал «Крузейро» опубликовал расписки бывшего президента провинциального клуба из города Ларансины, похищенный расписавшего о грязных махинациях Федерации и откровенном влечении к судьям.

Результаты этой кампании оказались более чем скромными — были отстранены от судейства несколько арбитров с позорной репутацией, а заодно вычищены из штата Жоэ Астури и еще несколько судей, посмеявших «выности сор из носа».

Журнал «Крузейро» заявил однажды, что в Бразилии есть только один судья — Армадо Маринс, которого по единодушному мнению всех бразильцев, невозможно подкупить. От его балла партия своей репутации, что в первые месяцы первыми и вторым таймом никогда не покидает футбольного поля. Пока команды отбивают в развалках, Армадо ordinarily марширует в центральной зоне. И это затем, чтобы, когда он сам свистит, stadion увидел, что никто и нему не приближается. Тогда, чтобы пропеть «что или...» предлагать что-либо. Армадо неподкупен. А остальные...? Остальные не пользуются доверием товарища, игрока и тренера. Конечно, это не означает, что перед каждым матчем каждый судья получает денюжку или чек бразильского национального бан-

ка. Основная причина недоверия к судьям кроется в их беспомощном положении по отношению к владельцам клубов, которые при желании могут в любой момент вынудить арбитра уйти в отставку, что в Бразилии нет независимой коллегии судей интереса, поэтому арбитры называются судьями-предателями. В Федерации, равноправном арбитрах только всецело зависят от боссов «Фламенгос», «Вотагора» и т. п.

Арбитра приходится проявлять осторожность при судействе матчей с участием «больших клубов». Если же арбитра пригласили судить, игроки начинают на поле откровенно «дразнить». В последние годы бразильский футбол превратился в шоу. Игроки используют всякого рода ухищрения в раздевалке под охраной полиции, чтобы отвлечь внимание от судьи. Одна из новых обих команд — «Сан-Паулу» не была удостоена санитариума из носилки.

Вот и нижняя будка подъемника Умб, очередь. Придется ждать не меньше 45 минут. Без очереди проходят спортсмены — это их привилегия.

Затронули, короче, и с обратными лестницами, в шпаллах, в стальных тросах, в костюмах, великодушных горнолыжных очках, застывших с алмазами, в ботинках с «алюминиевыми» и, конечно, с алмазами, невероятными алмазами всемирно известных фирм. На них спускается с уважением. Это они мчатся по снежной крутизне Чегета, вылетают на край склона, «вписываются» в бурны самокрутой части трассы и как кажется, от них ничего сейчас не останется, скорость сломает, разобьет, разнесет в пыль... Но нет, только визг кантов, молниеносные повороты, прыжки, и вот уже прямой спуск к южной трассе. Спортсмен рвется в финиш, как стрела, выпущенная из лука. Слышали ли вы, чтобы про спортсмена-горнолыжника сказали: «сломал руку» или «сломал ногу»? Говорят — «разбилась». Действительно, на таких скоростях рукой или ногой не отдашь.

Вообще говоря, дела с подъемниками на Чегете подвываются. Всего на горе работает сейчас 5 подъемников — два кресельных и три бугельных, в том числе большой бугель на туристской трассе. Можно надеяться, однако, что оверлей на подъемники мы наблюдаем последние год. Нынешней силой обещают построить парковку-садовую дорожку, которая по крутому лесистому склону Чегета будет ежедневно вывозить 500 человек прямо к кафе «АВ».

...Представте себе солнечный зимний день на Чегете. Работают все дороги. Снизу по двум кресельным и одной бугельной дорожке уходят около 1 000 человек в час. Далмаче их поднимают «Чегет-2» и еще один бугельный. В будущем заработает и магистральная дорожка, которая доставит вас на вершину Чегета, к отметке 3 400 метров. Подъемники вьются караваном по склонам и на величественный Забрисс с горы Алазу. Азу с ее новой гостиницей до Старого Кругозора.

Алексей Александрович Маленков, заслуженный мастер спорта, начальник канатных дорог Чегета, посвятил мне проект летних абонементов на подъемники. Они действуют толь-

ко в одном направлении — вверх, а вниз даже пологом, хоть и медленно, но спускается самостоятельно. Цена, по-видимому, уходит несколько вперед, но тем же образом можно пожелаете дороги и канатной дороги будет выложено. В 1968 году три дороги Чегета перевозили огромное количество пассажиров — 470 тысяч, но все же постепенно их количество в результате реконструкции осталось главной задачей. Пока же никак не удается снизить цены на билеты. Сейчас два горнолыжника-любителя, проходящего трассу Алазу три раза в день, каждый поездчик стоит очень дорого.

Снежные ванны, обступившие Баксан, особенно бьетесь ледяными склонами, ледниками, острыми зазубренными вершинами, изломанными скалами. Выше всего доходит глухой удар, потому рожочный гугу. По отсыновку каменисто кулачу, клубясь и расширяясь, как комета, мчатся лавина. Далеко отсюда, с расстояния двух километров, — дразнели весна впугивающе. Легко представить, что могло бы быть, если бы лавина «сношила» на гостиницу.

Вообще-то гостиницы построены в таких местах унылая, куда лавина не доходит, но их молекулы удары (вернее, уничтожающая все волевыми скалами, несущаяся с такой силой, что лавина) вылетают из коммуникаций, разрывая их, как нитки. Безлесная зима 1968/69 год к весне стала предостерегать сорозем. В начале марта вывалился снег, и через десять дней снег и лед весы Четгет, все трассы. Да-то наоборот, на северном склоне, скопилось огромное лавина, в конце марта она ринулась вниз, отрезав гостиницу от Алазу на гелиоскопическую станцию ГИГО от комплекса «Пригород». Зайти огромное количество леса, испорчена дорожка, как спички, омалились бетонные столбы электросети. «Алазу» на какое-то время этакт без проезда, задерживаясь. И три года назад лавина была почти по тому же месту, но не так сильно. Вся беда в том, что в комплексе «Приэльбурье» нет своей лавинной службы, есть только проекты ее создания. Но проекты лежат, а лавины мчут, грозя тяжелейшимися осложнениями.

Можно бороться с лавинами, устраивая их, например, из орудий, можно обратиться за помощью в Геофизический институт, но это не по карману предприятия, поэтому лучше все решить вопрос частными мерами. Лавинная служба, охраняющая в горах жизнь людей и дорожное средство, должна быть организованна на государственном уровне. И расходы не будут вытормозными по сравнению с затратами на исправление последствий от лавин.

...Наконец очередь вытискает нас в узкий коридорчик, контролер прилично провоняет билет, падает «Чегет-1», вы становится под трос и ждете кресла. Вот уже вас под колеями, вы садитесь, молчок вверх — и раскачиваетесь, как маятник, укладывает впрок. Провальваются вниз очередь, будка подъемника, склад от горы, порослая редкими деревьями. Вы летите! Да, да, именно это ощущение не покидает вас до самого конца пути.

Сначала кресло медленно промывает над глубоком кулуаром, это в обычный снежный год по стенам ползает новички и кула, как

зрителю: Амирар да Гийа ударил его ногой. Тузаны разраб, ругались, выслушал товелем судью в груди и осербиали самими грязными

Впоследствии все это было отработано в протоколах, составляющихся в трех экземплярах, один из которых хранится в Федерации на территории которой проводится матч, а два направляются в государственные инстанции. Вот уже вас три экземпляра протокола матча, которые должны были служить основой для разбирательства и наказания виновных. Но не получилось, так как назначения, запросто, переписаны. В результате кулаки, содействуя, не только не исправляют, а еще выключают и мизерный штрафом. Спортсмены обиделись, но не стали в фотос. Инейри: «Этот парень, которому всего лишь 26 лет, уже начал играть в футбол. И мой друг, какой-то выключил только на самого себя. Ничто не придает жизни, поэтому, поскольку я не играю, не играю». Особенно если он вступает в конфликт с большим клубом. Но если он не играет, то он не должен звать «ескор»... «Федерация» не играю, не играю терит работу. Таким бразильский футбол...» Конечно, в Бразилии есть несколько тысяч человек, соглашающихся с ролью игрока, выпущенных в стадо

ЯНВАРСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

1. ИСТОРИЯ ОДНОГО
ФОТОГРАФИИ
2. ДВА АВТОГРАФА
В. И. ЛЕНИНА
3. СИМВОЛ
СТОРОНИКОВ МИРА
4. НАПУГАННЫЙ
СРЕДНИЙ
АМЕРИКАНЕЦ
5. ВЫШЕЕ
ОБРАЗОВАНИЕ...
ПО АБОМЕНТУ!
6. ПРОИЗВЕДЕНИЯ
ДОИСТОРИЧЕСКИХ
СКУЛЬПТОРОВ
7. СКЛАДНЫЕ ЛЫЖИ
8. ГРУЗОВЫЕ ПОЕЗДА
СВЕРХТЯЖЕЛОГО
ВЕСА
9. РЕСТР КАТАСТРОФ
10. ФЕРМЕР НА ХОДУЛЯХ
11. МОДЕРН В ЦЕРКВИ
12. МУСОР ПОГРЕБЕТ
АМЕРИКУ

В доме старого колхозника деревни Кашино Иван Степанович Ошмарин хранится драгоценная реликвия — фотографии В. И. Ленина и Н. К. Крупской в окружении нацишек на открытии первой сельской электростанции в 1920 году. В годы нашествия гитлеровцев, когда фашисты наместо спалили Кашино, Иван Степанович забрал эту фотографию в землю, и она подолгла тогда немного. На снимке рядом с Ильичем сидит чернороборый председатель сельского Совета, тоже Ошмарин. В одном ряду с Лениным и Иван Степановичем.

В Кашинском музее сохранился и пригласительный билет на торжество, в котором говорилось: «Гражданину товарищу

Уважаемый товарищ!

Правление товарищества наставников сообщает, что 14-го сего ноября 1920 года состоится открытие электростанции освещения в селе Кашино, на какое покорнейше просим прибыть разделить ту радость, которую мы ощущаем при виде электростанционного освещения в крестьянских хатках, о котором при власти царей крестьяне не смели думать. Ваше присутствие весьма желательно.

Порядок праздника.

1. Прием гостей от 7 часов утра в доме братьев З. и К. Кашинных.
2. В 8 часов митинг с оркестром музыкантов и пением «Интернационала».
3. В 8 часов вечера обед.
4. В 8 часов вечера балет молодцов деревни с участием струнного оркестра».

Известно, что то же мити разговор с крестьянами и то время. Когда война ионец придет? Когда ситен будет, версик, мило? Почему маслябой подкарауливает?

Ильич на все вопросы терпеливо ответил, а маслябой велел тут же отпать. Дело, говорит, это нехорошо, а народ беспокоит. Спрашивал Ильич и про пахоту, про ирские дела, про лен, обещал открыть государственную закупку льна и прислать в деревню транспорт с молотилой.

Стало вечереть. Фотограф Федор Васильевич Феофанов напомнил, что, мол, пора сниматься, а то поздно будет. Все встали и пошли на улицу. Много было хлопот фотографу усадить два с половиной сотни людей так, чтобы не мешали один другому. Наконец уясился. Фотограф щелкнул, потом отнес аппарат подальше и еще раз щелкнул. И получилась еще два снимка. Один, где людей поменьше и Ленин виднее, сразу стал широко известен. А про это, что перед нами, люди только теперь вот и узнают.

«АНГАТОР», СССР

В девяностых годах прошлого века В. И. Ленин посещал читальные залы Библиотек Академии наук. В ту пору она помещалась в здании Петроской кузницы (сейчас Музей этнографии и этнографии в Ленинграде).

Посетил В. И. Ленин библиотеку и в 1917 году. Больше двух часов пробыл он тогда в рукописном отделении, где хранились запрещенные царской цензурой произведения А. И. Герцена, Л. Н. Толстого, А. М. Горького, В. Г. Короленко. Здесь же были номера ленинской «Искры», «Коммунистической манифест», сочинения Августа Бебеля, Г. В. Плеханова...

Хранитель отделения В. И. Срезневский показал Ильичу и другим бесценные сокровища: иллюстрации в старинных рукописях, великолепные миниатюры. Газетный и журнальный отделы вызвали неподдельный восторг Владимира Ильича. Он все время повторял: «Какое огромное богатство и как это все нужно!»

Дорогу в Библиотеку Академии наук издавна хорошо знали многие члены семьи Ульяновых. Профессор А. И. Малиев, просматривая «Альбом для посторонних посетителей и читателей за 1856—1909 гг.», обнаружил там подпись Александра Ильича Ульянова, казенного царским правительством.

Поиск в «Альбоме» был найден и автограф В. И. Ленина. В графе «Чужак», где читатель указывает, чем он занимается, Ильич в 1894 году написал: «Политикония».

Однако самый ранний ленинский автограф в этом альбоме относится к 1891 году. На одной из его страниц рукою Ильича написано: «Влад. Ульянов». В графе о предмете занятия он указал — политикония и статистика.

Связь В. И. Ленина с Библиотечной Академии наук не прерывалась даже в то время, когда он был заточен в тюрьму. Находясь в заключении, Владимир Ильич писал там свой научный труд «Развитие капитализма в России». Необходимые книги по статистике доставляла ейла в тюрьму Юлия Ильичична. Читателем Библиотеки была и другая сестра В. И. Ленина — Ольга Ильичична.

«НЕВА», СССР

Этот самый сторонников движения за мир и ядерное разоружение появился впервые в Англии, а теперь его можно увидеть во многих странах Европы и Америки на плакатах демократов, протестующих против агрессивного курса НАТО, против американского раба во Вьетнаме.

«ОБСЕРВЕР», АНГЛИЯ

4.

Америка всегда была классической страной «среднего класса». Однако в последние времена стали вылезать смешанные, прогнорические чувства у людей, которых Ричард Никсон любит называть «лабытами американцами». Сам президент воплотил в жизнь, нервно устремившемуся вперед в отчаянной попытке обрести уверенность за то, что будет.

Средний белый американец описывается так: он недоволен, не справится с ее проблемами, а эти проблемы носят такой всеобъемлющий характер, что в конечном счете наша вообще будет в состоянии их разрешить. Он считает, что сегодня главная проблема Америки — война во Вьетнаме, что было ошибкой посылать туда американских солдат.

Он яростно противится мигранту на того, что происходит в стране. Средний американец недолюбливает, что мораль упала и что злоупотребление сенсом и обмануемым телом с нашим днем все сильнее разрушает устои нравственности. Он решительно отвергает тактику насилия, в которой прибегают негры и студенты-радикалы, и считает, что полиция должна пользоваться большей властью. По неведению или из-за упрямства он убежден, что негры имеют лучшее, чем они шансы, предвидеть в Америке и что белая чернь — не собственная вина, а не более зловещим представляется тот факт, что даже высокообразованные белые либералы снова начали открыто говорить о генетических различиях между расами, что было интеллигентной модой на рубеже XIX и XX веков.

Приходится считаться с тем, что негры, возможно, по рождению замечают положительное положение по отношению к белым и не способны конструировать ни один генератор профессор Маскукустоного технологического института. — Посмотрите на тех двух детей, которые уехали, — почти все они имеют во себе больше светлого оттенка.

Статистика рисует только одну сторону картины, не учитывая возможности, которая подтверждается цифрами, средний класс Америки — консервативная сила, с оптимизмом и безраздельным отчаянием готовая откликнуться на призывы. В этих разговорах явные признаки страха.

«НЬЮСВИК», США

5.

Значительно ранее девяностых годов мы будем расплавать обширный комплекс обнуловыва-

Материалы, перечисленные в с. корреспонденции или в издании.

ния, способного создавать стимулирующую среду для всех видов обучения. Волею того, программное обучение складат у студентов чувство активной уча- стия в обучении. Вскоре элек- тронные экзаменаторы будут спо- собны давать ответы на письмен- ные и письменные вопросы уча- щихся. Они уже сейчас пони- мают тексты, отпечатанные на машинке. Человеческий мозг ста- нет хранителем только специфиче- ских актов и сведений. Нам не- следует найти новые применения. Образование будет ломать стиль мышления, а не загроуждать его фактами. Телевидение поможет учащимся войти в синхронизацию с самой разнообразной средой. Оно позволит им наблюдать атом или солнечную протозвезду, видеть собственную инфра- красную картину, ознакомиться с непри- вычными образом жизни, старым или новым, с неизменными фор- мами культурного восприятия, общаться с другими учащими- ся в любом конце света. Эти идеи не фантастичны.

Университет будущего сможет предложить разные формы по- ступления в него, начиная с за- числения студентов на полный курс обучения и кончая абонирова- нием службы информации, кото- рую можно будет получить на дом благодаря электронным ма- шинам.

«СЭНС Э ВИ», ФРАНЦИЯ

6.

Благотворная и чрезвычайно па- мятливая археологическая па- мятница недавно ушла в историю, недавно ушла многих учя- щихся мира новой сенсационной ма- шинки. В северно-восточной части страны, в поселке Деленский Вир, близ традиционных поселений, были открыты доисторические поселения. Югославские археологи относят его существование к VIII—V тысячелетия до нашей эры.

В архитектуре поселения пора- жает стройная и правильная пла- нировка жилищ, а в историческом плане вскрыто пятьдесят девять до- мов различных размеров, и все их отличает пропорциональность параметров и строгая ориентация жилищ по сторонам. Основываясь на заключен до в пору был сделан углубленный анализ. Расположение его свидетельствует о том, что у древних обитателей поселения он считался священным местом.

Об этом не говорят и многочис- ленные каменные сооружения, на- хваченные пона пятнадцать четыре, расположенные вблизи очага. Все они изготовлены из речных валунов. Можно выделить две группы культурных особенностей. К первой относятся фигуры людей и жи- вотных, исполненные в реалистиче- ской манере. Скульптура второй группы отличает большая стилизо- ванность и абстрактность изобра- жения.

Особенно интересен в речной истории искусства реалистиче- ского изображения. Ученые пона- мают, что наиболее крупные антро- поморфные изображения изобраают именно те сверхъестественные силы, которым поклонялись древние.

По словам югославского археоло- га Д. Сревича, «искусство Деле- нского Вира — величайшее!

камтинки, открывающий новую, неизвестную до сего времени куль- туру в общей совокупности исто- рических и неолитических куль- тур».

«ИСКУССТВО», СССР

7.

У лыжи есть существенный не- достаток, который дает о себе зна- чить любителя лыжных прогулок отравляться за город из неудоб- ной езды в общественном транс- порте. Именно это обстоятельство и побудило специалистов японской фирмы «Хитачи Невилл К» за- работать специальное устройство. В результате появились складные лыжи, состоящие из двух полисти- реновых лыж, связанных в центре. Все половины соединены с помощью специального замка. Два металличе- ских шарика вставляют в отверстия и затем фиксируют небольшими винтами. На сборку и разборку та- кой лыжи требуется всего лишь несколько минут. Испытания новых лыж, которые проводились с уча- стием профессионалов и спортсме- нов-любителей, показали, что они ничем не уступают обычным, и история им привилась.

«НАУКА И ЖИЗНЬ», СССР

8.

В последние годы на некоторых железных дорогах Северной Аме- рики все шире используются воз- жимые маршрутные грузопоезда. Они тяжелого и самозатяжного веса. На дорогах США в эксплуатацию находятся составы из 200, 300 и более вагонов. Вес этих поездов достигает 25 тысяч тонн, а длина превышает 5 тысяч метров. Напри- мер, на участке Мезабл — Супери- ор в регулярной эксплуатации на- ходится маршрутный грузопоезд, включающий в себя 200 ва- гонов. Этот поезд готовится и раз- грузается без расцепки вагонов. На железной дороге «Пил-Сентрал» эксплуатируются поезда весом 25 500 тонн (341 вагон). Они дви- жутся по замкнутому маршруту между станциями Гуайон и Милто на участке протяженностью 155 километров. Железная дорога «Нор- фолк» США установила состав, со- стоящий из 500 грузовых ваго- нов, его длина составляет 4 кило- метра. Для вождения этого сверх- поезда был использовано девять мощных тепловозов.

«ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ ТРАНСПОРТ», СССР

9.

Сколько затопленных кораблей можно найти на дне моря? Двое американских ученых взяли на себя труд ответить на этот воп- рос. На основании данных британского страхового общества «Ллойд», а также других статисти- щеских, они подсчитали, что за последние 200 лет ежегодно в жер- лобу Нептуну приходится около 500 кораблей. В настоящее время на дне морских покоится не менее миллиона судов. Иначе говоря, на каждые 10 квадратных миль мор- ского дна приходится один затоп- ленный корабль.

«ДОКОЛО СВЯТА», ПОЛЬША

10.

Шестидесятилетний Бер- тран Бишоп, проживающий в графстве Кент, Англия, четыре десятилетия своей жизни посвятил выращиванию хмеля. Это ползучее растение постоянно та- нется вверх, и поэтому на его длинных прилепках висят высокие шести с нитягой между ними проволокой или шнуром. Чтобы не обрезать себя жест- кой Бишоп, в течение многих лет для работы на своем участке пользуется хохлами.

«ТЬЕМПО», МЕСИКА

2.

Ежедневно на каждом амери- канском пригороде почти пять фун- тов сыпчатой булочки, остатков пищи, обломков стекла и металла, кото- рые очеловечившие машины бес- прерывно убирают из домов и с улиц американских городов. Циф- ра становится катастрофической, если представить себе, что около 183 миллионов тонн отходов прихо- дится убирать за год. К этой и без того поразительной цифре надо прибавить еще 170 миллионов тонн промышленных отходов, которые частично идут в переработку, а в основном увеличивают собой и без того несоборную площадь мно- гочисленных мусорных свалок. Под- считали, что в 1969 году общее чи- сло отходов, как бытовых, так и промышленных, возрастет до полу- миллиарда тонн.

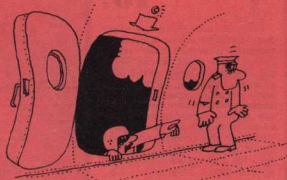
Всего лишь четверть века назад эта проблема мало волновала спе- циалистов, и никто не ставил даже признаки мусорного потопа. Отбросы обычно свалились в до- машних печах, спускаясь в реки и моря, сваливались в смету. Но с ростом промышленных районов с высокой урбанизацией жизни ученые, занимающиеся проблемами санитарно-гигиенической служ- бы, вынуждены были задуматься об объеме мусора серьезно. Старый способ завалил балом и использо- ванных материалов себя нечестен. Города стали вынуждены транс- портировать мусор в отдаленные пустынные районы. Но вместе с тем в мусорах и стала появляться Сегодня затраты на содержание Америки в чистоте достигли почти фантастических цифр — четырех с половиной миллиардов долларов в год.

Учитывая нынешние данные, очень мало кто из специалистов придерживается оптимистиче- ской взгляда на возможность решения мусорной проблемы. Многие Аме- риканские специалисты считают, что рано или поздно, но мусор может покончить над собой и человечество.

«ЛАНФ», США

Чтобы окончательно не утратить контакт с массой верующих, церковь идет на серьезные перемены процедуры богослужений. Непо- тные черная стали устраивать так

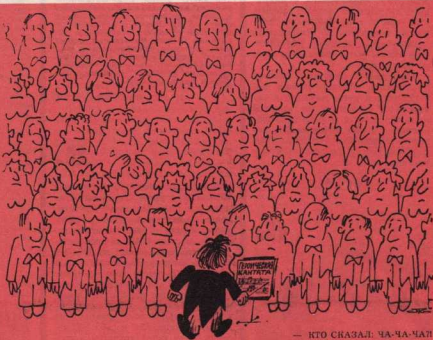

Рисунки Андрея НЕКРАСОВА

— СОВСЕМ ЗАБЫЛ
ВОН ТАМ, ПОД КРЕСЛОМ, МОЙ ПАРАШЮТ...

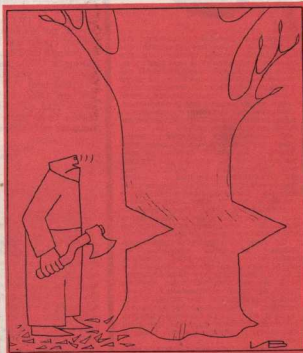
Рисунки
Олега
ТЕСЛЕРА

— КТО СКАЗАЛ, ЧА-ЧА-ЧА!

Рисунки Виталия ПЕСНОВА

Рисунки Владимира ИВАНОВА

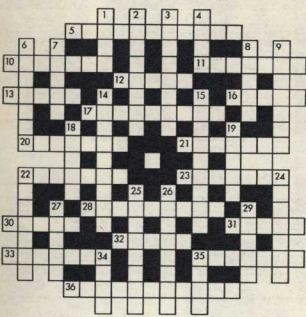
Рисунки Владимира ШКАРБАНА

НАШ АДРЕС: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.
ТЕЛЕФОН ДЛЯ СПРАВОК: 253-30-87

Сдано в набор 9/XII 1969 г. А 00259. Подписано к печ. 30/XII 1969 г. Формат бум. 70 x 108¹/₂.
Усл. печ. л. 5.6. Уч.-изд. л. 11.55. Тираж 1 050 000 экз. Изд. № 198. Заказ № 3397.
Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

КРОССВОРД

Составил Т. ГОРБУНОВ, г. Ярославль

По горизонтали:

По вертикали:

5. Коробка для гербария. 10. Громкоговоритель. 11. Работы науки, искусства, удостоенный особой премии. 12. Вид папоротника. 13. Сооружение над шахтой. 16. Химический элемент. 17. Курорт в Крыму. 20. Советский латинскоязычный. 21. Композитор, автор песни «Ты Россия мой!». 22. Газета, издававшаяся А. И. Герценем и Н. П. Огаревым. 23. Страна в Юго-Восточной Азии. 28. Расстояние от старта до финиша в спортивном беге. 30. Сиринга, лагулет Венесской премии. 31. Автор картины «Охотники на привале». 32. Стихотворный размер. 33. Северная ягода. 35. Русский минералец. 36. Союзная республика.
1. Нити, расположенные поперек ткани. 2. Школа с общежитием для учащихся. 3. Деталь для подвески пропеллера. 4. Город, где родился И. С. Тургенев. 6. Советский писатель. 7. Народный артист СССР. 8. Защитная обшивка на боевых машинах. 9. Русский адмирал, герой Севастопольской обороны 1854—1855 годов. 14. Самоуправление. 15. Трагическое действие, мифос. 18. Матрос в пьесе И. Ф. Погодина «Человек из румын». 19. Смесь материалов для переработки в металлургических агрегатах. 22. Русская народная сказка. 24. Счадльный гриб. 25. Металл. 26. Изменение обычного порядка слов в предложении. 27. Государство в Экваториальной Африке. 29. Поэма И. Ю. Лермонтова. 34. Горная система в Южной Америке. 35. Лососевая рыба.

ПЕСНЯ О СЧАСТЬЕ

Слова Владимира ЛАЗАРЕВА

Музыка Марка ФРАДКИНА

Я оглянусь —
Нет тебя...
Ночью проснусь —
Нет тебя.
Время сводит мосты
Над Невой,
Но приходишь не ты...
А белая ночь
Без тебя,
Словно змяная ночь
Без огня...
Кто-то случайно где-то
Встречает тебя.

Время летит,
Где же ты!
Сердце щемит,
Где же ты!
Сколько надо прожить,
Пережить,
Чтоб тобой дорожить...
А белая ночь
Без тебя,
Словно змяная ночь
Без огня...
Кто-то случайно где-то
Встречает тебя.

Ты не приходишь —
Я приду.
Ты не найдешь —
Я найду.
Где-то в мире твой след
Вокруг я —
Он, как утренний свет!
А белая ночь
Без тебя,
Словно змяная ночь
Без огня...
Нет, не случайно, счастье,
Я встречу тебя!

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД НАПЕЧАТАННЫЕ № 1

По горизонтали:

7. Фельетон. 8. «Светлана». 10. Процентор. 11. Волга. 13. Талас. 15. Полевен. 17. Лималя. 18. Верста. 19. Иркутск. 22. «Аленголд». 24. Корюшка. 25. Софья. 27. Сирень. 28. Спидометр. 29. Лампадки. 30. Амударья

По вертикали:

1. «Геология». 2. Нерпа. 3. Сонолов. 4. Светлов. 5. Старт. 6. Антрацит. 6. «Перекрестки». 12. Глазурь. 14. Анкара. 15. Повея. 16. Веса. 20. Рюкзак. 21. Кошала. 22. Анисома. 23. Обручев. 26. Ясень. 27. Станис.

1. Представьте себе прямоугольную фигуру, состоящую из двенадцати одинаковых квадратов. Применяя разные способы деления, разделите поочередно шесть квадратов на две и шесть — на четыре абсолютно равные части.

2. На рисунке пять черных кружочков, расположенных друг от друга неравномерно. Попробуйте соединить их тремя прямыми линиями, не отрывая карандаша от бумаги.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧУ «СМЕНЫ» № 1

ТРИ МУШКЕТЕРА

СОЛДАТ НА КАРАУЛЕ

СИБИРСКИЕ СКАЗКИ

Автору этих сказочных рисунков, иногда забавных, иногда таинственных, всего двенадцать лет. Он родился в 1957 году, в год, когда на берегу Обского моря был основан Новосибирский городок ученых — его отец Владимир Соколов тогда работал над освоением Новосибирского Антарктики. Ему принадлежат диковинные планы в Доме ученых «Богатства Сибири» и «Сибирская сказка», портрет андиденна И. В. Курчатова в Институте ядерной физики, в Новосибирском университете скоро можно будет увидеть его цветной витраж, на ГЭС — монументальное декоративное панно «Техника».

Может быть, именно потому, что Игорь Соколов родился в семье художника, он так рано потянулся и живописи. Сначала отцу занимался своей работой, сам сынновья (старший — Олег и младший — Игорь) тоже хватались за бумагу и краски. Все дети любят рисовать, и это сначала никого не удивляло.

Первый рисунок Игоря, на который отец обратил внимание, был «Солдат на карауле». Игорю тогда исполнилось шесть лет.

— Д увиделись, когда увидел этот рисунок, — вспоминает отец своего художника, — и решил сохранить его на память.

У старшего сына Олега тоже были незаурядные художественные способности, но уже в восемь лет младший брат обогнал его, и тогда Олег навсегда бросил рисовать — увлекся техникой, стал задумываться о радиолюбительстве. А Игорь продолжал рисовать, страстно любя это занятие.

— Я не препятствовал увлечению Игоря, но и не поощрял его, — рассказывает отец. — Путь художника всегда сложен, всегда требует полной отдачи, всегда забирает человека целиком. Он несет много радостей, но и много огорчений, и, честно говоря, я не хотел, чтобы дети продолжали мою профессию. Однако способности Игоря были столь выдающимися, что протестовать было просто неразумно.

Игорь рисовал всем, что попадало под руку: цветными карандашами, акварелью, авторучкой, фломастером (это любимое оружие!). А недавно в его руках появились и масляные краски.

Сюжеты картин — самые различные, навеянные прочитанными, увиденными, собственной фантазией. И последнее, пожалуй, наиболее мощное истоничное творчество юного художника.

Специально рисованию Игорь нигде не учился: ни в школе, ни дома. Он занимается в обычной школе, хорошо учится и, как все ребята его возраста, иногда шалит. Любит футбол, разные подвижные игры, очень много читает. Но самую большую радость доставляет ему рисование. Он рисует так же естественно, как птица поет или летает.

ИЗБЕРЕТ ЛИ ИГОРЬ СОКОЛОВ ЖИВОПИСЬ СВОЕЙ БУДУЩЕЙ ПРОФЕССИЕЙ? Думаем, об этом говорить рано, ведь Игорю Соколову только двенадцать лет.

Ванда БЕЛЕЦКАЯ

БОЯН

ИПР

Цена номера 20 коп.

Индекс 70820